За нашу Советскую Родину!

ГЛАВНОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

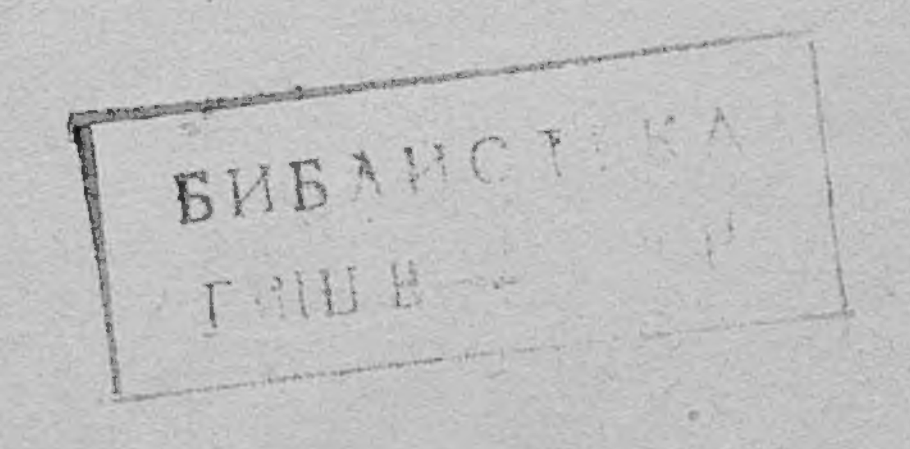

В помощь агитатору для бесед с молодыми краснофлотцами

БОЕВЫЕ ПОДВИГИ КРАСНОФЛОТЦЕВ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Выпуск IV

МОТОРИСТЫ, МАШИНИСТЫ, ЭЛЕКТРИКИ

1945

В состав настоящего сборника вошли статьи, напечатанные в газетах «Красный Флот», «Красный черноморец», «Краснофлотец», «Красный Балтийский флот» и в сборниках ПУ ВМФ в период с 1942 по 1945 г.

√ **Герой Советского Союза Георгий Дмитриевич Курбатов**

Славный боевой путь пришлось пройти старшине 1 статьи Георгию Курбатову за время службы на торпедных катерах.

Поисковые операции, минные постановки, высадки разведывательных десантных групп на берег врага и другие боевые походы чередовались один за другим. Не раз в этих походах достойный сын Родины показывал образцы высокой боевой выучки, отваги и мужества.

15 сентября 1944 года катер вышел в море на поиск врага. Более полусуток он был в море. Горючего оставалось немного. В это время был обнаружен большой караван немецких транспортов, шедших в сопровождении сильного охранения. Командир выбрал цель и решил ее атаковать.

К моменту торпедного залпа насос совсем перестал подавать горючее. Моторы «зачихали». Это грозило тем, что в самый ответственный момент они могли заглохнуть. Возможен был не только срыв атаки, но и гибель самого катера.

Вот здесь-то и пришли на выручку находчивость и высокое боевое мастерство Курбатова. Он быстро сообразил, в чем дело, и приказал командиру отделения мотористов подавать к моторам горючее вручную. Моторы заработали ровно. Командир катера смог не только удачно пустить на дно вражеский транспорт, но и успешно выйти из боя.

В боях и в учебе росло не только боевое мастерство Курбатова, но и его политическая зрелость. Курбатов долго и упорно готовился к вступлению в ряды большевист-

ской партии. В апреле его как одного из лучших катерников парторганизация приняла кандидатом в члены ВКП(б).

Вступая кандидатом в члены партии, Курбатов дал слово с честью оправдать в боях высокое звание коммуниста. И это он сделал. Накануне сентябрьского сражения, в котором он участвовал и совершил героический подвиг, его приняли в члены партии Ленина—Сталина.

Героический подвиг совершил Георгий Курбатов в одном из боев за Печенгу.

Уже не первый день шли бои за этот древний русский город, когда катер, на котором служит Курбатов, пошел с группой десантников на борту к вражескому логову. Враг был настороженн и встретил катерников сильным артиллерийским и минометным огнем.

На обратном пути вражеским снарядом было выведено из строя рулевое управление. Управлять катером командир мог только моторами, а впереди предстояло преодоление той же полосы заградительного огня немцев. Боевое задание было выполнено, но экипажу катера грозила гибель.

У приборов управления моторами стоял Георгий Курбатов. Он знал, что теперь зависело все от него: и сохранность боевого корабля, и жизнь экипажа. Зависело все от того, насколько он, Курбатов, умело обеспечит катеру изменение скоростей хода и маневрирование.

Будучи тяжело раненным в руку, Курбатов не ушел с боевого поста. Он напрягал все усилия к тому, чтобы быстро и точно выполнять приказания командира катера: изменить скорость или направление движения. Только по приходе в базу он был направлен в госпиталь на излечение.

За проявленные в боях доблесть, отвагу, мужество и находчивость Георгий Дмитриевич Курбатов награжден четырьмя правительственными наградами. Ему присвоено почетное звание Героя Советского Союза.

Герой Советского Союза Виктор Дмитриевич Кусков

Группа наших торпедных катеров успешно выполнила боевое задание в финских шхерах. На обратном пути в одной из многочисленных узкостей белофинны обрушили на катера перекрестный огонь своих батарей. На перехват балтийцев вышли шюцкоровские катера. Разгорелся жестокий бой. Вода вокруг кипела, осколки снарядов вонзались в корпус.

— Самый полный! — требует стрелка телеграфа. Кусков обеспечивает кораблю ход.

Осколком снаряда повреждена магистраль охлаждения, через пробоину в корпусе в катер поступает вода. Надо было быть там, в моторном отсеке, и работать вместе с Кусковым, чтобы понять все напряжение воли и мастерство воина, с каким он устранял повреждения и обеспечивал кораблю ход. Один из осколков пролетел в нескольких сантиметрах от моториста и впился в противоположный борт... Свыше 20 пробоин насчитал Виктор Кусков в корпусе, когда, с честью выйдя из боя, катера пришли в базу.

Однажды, атакуя сильный конвой врага, катера попали под ураганный обстрел. Два вражеских корабля были уже потоплены, когда снаряд разорвался в машинном отделении. Кусков был ранен осколком в грудь и в голову.

Катер вспыхнул, и раненый гвардеец, выбравшись наверх, увидел в рубке командира с перебитыми ногами и раной в груди.

— Оставить катер, — чуть слышно приказал старший лейтенант. Потушить пожар не было возможности. Катер взорвался, когда моряки успели отплыть от него всего на два десятка метров.

Раненый Кусков отдал свой спасательный пояс командиру и вместе с боцманом держал его на плечах. Он был почти в беспамятстве, когда их подобрали советские ка-

тера. Рискуя собой, советский матрос спас офицера. Он совершил подвиг исключительной силы, за который ему присвоено звание Героя Советского Союза.

У вражеского берега

Подводная лодка вторые сутки действовала в глубине вражеского фиорда. Выполняя приказ командования, подводники совершили трудный и длительный поход, дерзко вошли в самое логово противника. Шторм бешено швырял подводный корабль. Моряки упорно боролись со штормом, но волны повредили в цистерне одну из ответственных деталей. Требовалось срочно устранить повреждение.

Можно было скрытно и осторожно пройти весь фиорд, выйти на морской простор, где шторм уже закончился, и там, вдали от немцев, сделать все, что нужно. Этот вариант командир отверг. Сделать так — значит прервать выполнение боевого приказа, свести на-нет все результаты штормового перехода морем. Нужно было произвести ремонт во вражеском фиорде. Это было очень рискованно, но командир знал, что на войне разумный риск и дерзость столь же необходимы, как стойкость и мужество. Он верил в силы и знания своего экипажа, в то, что каждый человек на подводной лодке по первому его зову пойдет на любой подвиг. Эта уверенность в своих людях позволила командиру принять смелое и правильное решение.

Над фиордом стояла безмолвная ночь. Подводная лодка всплыла. В сизом сумраке мрачно и таинственно чернели гранитные берега. Из-за скал медленно поднимался оранжевый диск луны. Недалеко на берегу мерцали редкие и робкие огни. В стороне, в горах, порой вспыхивали тонкие лучи света, доносился приглушенный гул моторов, — по дорогам мчались машины. В общем, обстановка пока была спокойная.

Командир подводной лодки вызвал мичмана Носова:

— Вы знаете, что случилось с кораблем? Уйти отсюда,

не выполнив приказа, мы не можем. Неисправность надо устранить на месте. Подберите людей и приступите к делу. Повреждение надо ликвидировать в самый короткий срок.

Командир помолчал, потом добавил:

— Вы — коммунист. Вам скажу прямо: если нужно будет срочно погрузиться, мы это сделаем, может быть, даже не успев взять вас в отсек.

Затем пожал руку мичману и ласково, по-отечески сказал:

— Ступайте...

В центральном посту боцман встретил командира отделения рулевых комсомольца Проценко.

Есть срочная работа. Приготовь инструмент для заделки троса и подбери еще одного человека.

Командир отделения взял коммуниста старшину 2 статьи Низовцева, давно зарекомендовавшего себя знатоком военно-морского дела. Быстро подобрав инструмент, взяв аккумуляторные фонари и запасные тросы, подводники спустились в цистерну. Сырость пахнула им в лицо. Лучи фонарей засверкали в струйках стекающей воды. Крышка люка легла на свое место. Слышно было, как краснофлотцы прижимали тяжелый металлический диск.

Подводники молча осмотрелись. Их взгляд остановился на массивном кингстоне. Внизу журчала вода. Моряки посмотрели на кингстон, и каждый прочитал во взгляде другого свои мысли. Если нагрянет враг, — кингстон откроется и в цистерну тоннами хлынет забортная вода.

— Начнем, — неестественно громко прозвучал голос мичмана.

Сначала все шло хорошо. Но вот неожиданно на берегу вспыхнул прожектор. Светлый луч упал на воду фиорда и быстро побежал к подводной лодке. Командир и все стоявшие на мостике напряженно следили за его движением. Луч приближался. Вот уже осветил краешек корпуса, и дрожащее ослепительное сияние остановилось.

— Скоро они там? — спокойно спросил командир.

Моряки, работавшие в цистерне, не знали, что творилось наверху. В деловом азарте, охватившем их, они забыли обо всем. Широкоплечий Низовцев, напрягая мускулы, тянул за концы стальной трос. Трос выскальзывал, но Низовцев продолжал тянуть непослушные концы, сводя их в одну точку. Трос не поддавался. Тогда, напрягая все силы, Низовцев еще крепче сомкнул пальцы одеревеневших рук. Капли пота выступили на лбу, взмокла тельняшка. Упругая сталь поддалась напряжению силы и воли моряка. Рядом с ним, изогнувшись, трудились его друзья. Вооружившись молотками и свайкой, Носов и Проценко сращивали непослушный трос. Они работали молча.

Прошло минут сорок. Прожектор на берегу погас. Фашисты не заметили подводной лодки.

Над морем взошла полная луна. Командир бодрствовал. Он оставался на мостике, зорко всматриваясь в даль. В ночной тишине неожиданно раздался голос сигнальщика:

— Вижу вспышки.

Давая опознавательные, по фиорду шел фашистский сторожевой корабль с затемненными огнями. Командир подводной лодки различал полубак, надстройки, мостик и трубу. Сторожевик был совсем близко. Все стоявшие наверху ждали, что скажет командир.

— Изготовить орудие к бою! — приказал командир.

Главное — не обнаружить себя. Хотелось отдраить люк цистерны, но обстановка не позволяла сделать ни одного движения. Сторожевик в любой миг мог обнаружить подводную лодку и открыть огонь. Командир был готов ко всему: к артиллерийскому бою и торпедному залпу, к погружению, но только не к уходу из фиорда. На подводной лодке все замерли, сторожевик прошел мимо.

В цистерне ярко горели аккумуляторные фонари. Усталые и мокрые до нитки подводники заканчивали ремонт. Наконец, боцман одобрительно крякнул и с наслаждением разогнул спину. Концы троса, перевитые десятками стальных нитей, прочно срослись друг с другом.

— Шабаш! Собрать инструмент и ветошь, — весело сказал Носов.

Рослый Низовцев выпрямился и постучал ручником в крышку люка. Наверху услышали. Кто-то проворно заработал ключом, и над головами друзей обозначился светлый круг. Затем кто-то перегнулся через кингстон, и сильные руки помогли выбраться наверх. Это были руки командира подводной лодки.

— Все в порядке? Ничего не оставили в цистерне? — спросил командир, а затем шутливо добавил: — А мы тут с фашистским кораблем повстречались. Хорошо, что немецкие сигнальщики прохлопали, а то бы жарко было.

Крышка люка прочно легла на свое место. Командир облегченно вздохнул.

Он крепко пожал всем троим руки и так же ласково, как в каюте перед началом ремонта, сказал:

— Ступайте, отдохните, герои...

Подводная лодка успешно завершила боевую операцию и на третьи сутки благополучно вышла на простор открытого моря. Приказ командования был выполнен точно.

Мужественный подвиг краснофлотца Каирова

Море оглашают глухие раскаты орудийных залпов. С резким, отрывистым свистом проносятся снаряды.

Гром орудийных раскатов достигает котельного отделения. Равномерно гудят форсунки, отблески белого пламени падают на лицо котельного машиниста Каирова и его товарищей по вахте.

Воют турбовентиляторы. Здесь плохо слышен голос человека. Здесь люди мало разговаривают. Они великолепно понимают друг друга по коротким взглядам.

Горением переднего фронта управляет котельный машинист Каиров. Чуть сдвинув свободной рукой на сторону берет, он оглядывает острыми черными глазами помещение, прислушивается к голосу механизмов, к окружающему.

Он ясно слышит слова политрука.

— Наши снаряды ложатся по цели. Баки фашистов объяты огнем. Вперед, за Родину! За Сталина!

— Вперед, — повторяет Каиров и, чувствуя новый прилив сил, принимается за работу.

...И вот в какое-то мгновенье пар начал садиться, почернело пламя.

Каиров бросился к запорному крану, чтобы, не медля ни секунды, закрыть его, а за ним закрыть стопорный.

...Лопнула трубка!..

...Командир Вуцкий оглядел бойцов. Надо проникнуть в раскаленное нутро котла и там наощупь найти поврежденную трубку, заглушить ее. Надо было рисковать... Но разве можно об этом сейчас раздумывать. Идет бой, а промедление в бою — смерти подобно...

Краснофлотец Сорокин уже готовит заглушки.

— Сделаем! — спокойно произнес Каиров.

Товарищи помогли натянуть асбестовый костюм.

— Скорее, — торопил Каиров. И тут же, раскрыв медицинскую сумку, взял, сколько захватила рука, вазелину и, вымазав лицо, начал забинтовывать голову марлей, оставляя узкие щели для глаз. Все готово...

В руках заглушки, кувалда. Каиров наклоняется и на животе с трудом протискивается в нижний коллектор.

Тело обдало нестерпимым жаром. Режет ноздри, обжигает рот раскаленный воздух. Каиров затаил дыхание.

Где-то осталась позади летучка. Нехватало сил тянуть ее за собой. От струи воды, направленной из шланга, возникал пар...

Каиров, лежа на животе, помогая телу локтями и коленями, протискивался вперед. Стучало в висках, нестерпимо хотелось вдохнуть в себя воздух, и он начал ртом сосать мокрую марлю, захватывая вместе с водой струи охлажденного воздуха.

Темно.

Руки лихорадочно ищут поврежденную трубку. Где она? Так, так... и память приходит на помощь... Трубка

должна быть здесь... Надо в мгновенье все отчетливо представить, каждую деталь, чтобы нащупать безошибочно трубку, как и раньше, в охлажденном котле.

Каиров хотел по привычке открыть глаза, но веки сомкнулись, выдавив слезу. Воздух обжигал глаза.

Есть!

Глухие удары кувалды загоняли на место заглушку. К мокрому горячему телу лип костюм, темнело в глазах... Наконец-то поврежденная трубка закрыта. Каиров наклоняется к нижнему коллектору, и товарищи вытаскивают его из котла.

Пошатываясь, поднялся он на ноги, вздохнул и отчетливо проговорил:

— Приказание выполнено!

Товарищи, окружив его, заботливо снимали асбестовый костюм, разматывали обожженную марлю, предлагали воды.

Родина его не забудет

Он служил на подводной лодке. Любил море, любил свой боевой корабль. Вдали от родных берегов, в открытом море он провел много дней, много бессонных ночей. Часто, стоя на вахте, он прислушивался, как ритмично работают дизели, как бушуют свирепые волны. Любили Ивана Личкатого на подводной лодке за храбрость, смелость, отвагу. Всегда веселый, подвижной, он зажигал своим боевым духом краснофлотцев. Когда началась отечественная война, Личкатый вступил в члены партии большевиков. Свое заявление он подал перед боевым походом. В нем советский подводник писал: «Хочу быть членом партии. Все свои силы, а если понадобится, то и жизнь отдам за дело нашей партии, за свободу и счастье народа. Доверие партии оправдаю».

Вскоре Личкатый получил партийный билет. В левом карманчике, согревая сердце, лежала маленькая, самая

дорогая книжечка, за которую Иван Личкатый готов был отдать жизнь.

Враг ворвался в Крым. Моряки шли в отряды, полки, батальоны, чтобы плечом к плечу с красноармейцами отстаивать нашу священную землю от лютого врага. Личкатый попросился в морскую пехоту.

— Хочу с оружием в руках защищать Севастополь. Прошу послать меня на сухопутный фронт, — сказал он комиссару.

— Вы и здесь нам нужны, — ответил комиссар.

— Я подготовил заместителя, он справится не хуже меня. Отпустите, товарищ комиссар, чести подводника не посрамлю.

Делать было нечего. Уж больно настойчив Личкатый. Посоветовавшись с командиром, комиссар отпустил Личкатого на сухопутный фронт.

...В батальоне морской пехоты, куда назначили Личкатого, он скоро снискал себе уважение и любовь моряков. В нем сразу увидели смелого, отважного бойца. Уже в первом боевом крещении Личкатый показал пример смелости и мужества. Тогда он впервые встретился с врагом. Ненависть клокотала в его сердце. Руки крепко сжимали винтовку.

— Вот она, настоящая работа, — сказал он своим товарищам. Бой разгорался. Иван Личкатый русским полуавтоматом косил фашистских мерзавцев. В этом бою он уничтожил десять гитлеровских бандитов. Своим примером мужественный коммунист увлекал остальных бойцов. Когда кончился бой, бойцы между собою говорили.

— А подводник-то наш дал сегодня жару немцам!

— Да, долго будут помнить фашисты Ивана Личкатого.

— Поздравляю, товарищ Личкатый, — сказал комиссар, — здорово ты дал сегодня фашистам. Признаться, не ожидал я от тебя такой смелости, — и комиссар крепко пожал руку подводнику.

Как-то комиссар заметил в групе краснофлотцев коммуниста Личкатого. Тесным кругом обступили они его. С большим вниманием слушали бойцы задушевную беседу. Личкатый рассказывал, как живут подводники, вспоминал о незабываемых боевых походах, рассказал, как тепло провожали его боевые друзья. Потом он заговорил о том, как беспощадно надо уничтожать врага, и здесь же привел примеры издевательства гитлеровских бандитов над советскими бойцами, попавшими в плен, над женщинами и детьми на временно занятой врагом территории. Простые слова коммуниста доходили до глубины сердец моряков. В груди клокотала ненависть к подлому врагу. Каждое слово Личкатого волновало бойцов, звало к мщению.

Через несколько дней комиссар беседовал с Личкатым.

— Хочу назначить тебя заместителем политрука. Парень ты дельный, смелый. Любят тебя краснофлотцы. Думаю, справишься с работой.

Чувство гордости за большое доверие наполнило сердце Личкатого.

— Я согласен. Доверие ваше, товарищ комиссар, оправдаю.

— Желаю успеха, — сказал комиссар и пожал руку молодому заместителю политрука.

Шли дни, жаркие, боевые. В схватках с врагом закалялся бывший подводник. Теперь у него было больше дел, больше забот. Роль заместителя политрука обязывала быть примерным воином, быть всегда впереди. И Личкатый свято выполнял свой долг. В бою он всегда был впереди.

Об этом замечательном советском воине с глубоким уважением говорили в соединении.

...Накопив силы, противник перешел в наступление против участка, занимаемого батальоном моряков. Моряки стойко удерживали свои рубежи. Они отражали яростные атаки врага, не допускали его к переднему

краю нашей обороны. Все атаки врага были отбиты. Оставив на поле боя шестьсот убитых солдат и офицеров, немцы откатились назад.

Светало.

Личкатый шел в разведку. Вместе с ним был санинструктор Федоров.

Пройдя около ста метров, Личкатый заметил вражескую машину. Дал меткий залп. Машина остановилась. Насмерть перепуганные фашисты выскочили и, как трусливые зайцы, пустились наутек.

— Не уйдете, собаки! — воскликнул Личкатый.

Раздался выстрел. Один фашист упал, как скошенный. Теперь очередь за остальными. Еще выстрел, и еще один немец нашел свою смерть от меткой пули советского смельчака.

Пошли дальше. Из-за крутого поворота показались две вражеские подводы. Личкатый вновь прицелился. Одного фашиста уложил. Повозки повернули, стали удирать. Пули двух моряков настигли еще двух немцев.

Меж кустов разведчики заметили вражеских автоматчиков. Личкатый чувствовал, как гнев и ненависть к врагу переполняют его. Он беспрерывно строчил из полуавтомата и снимал фашистов одного за другим.

Личкатый, выведав силы противника, вернулся в свою часть. Батальон перешел в наступление. Вместе с остальными бойцами шел Личкатый, воодушевляя их своим героизмом. Разгорелся жаркий бой. Моряки теснили врага. Вражеской пулей был тяжело ранен командир взвода.

Личкатый, ринувшись вперед, навстречу свистящим пулям, воющим минам, крикнул:

— За Родину! За Сталина! Вперед, на врага!

Краснофлотцы, охваченные неудержимым стремлением громить фашистов, все, как один, пошли за коммунистом Личкатым. Фашисты не выдержали стремительного натиска моряков и в панике начали отступать. Бойцы про-

должали преследовать врага. Впереди, как всегда, был Иван Личкатый.

Презирая опасность, он увлекал бойцов вперед. Вдруг Личкатый споткнулся, ноги подкосились, и, сраженный вражеской пулей, он упал не землю, покрытую тонкой снежной пеленой. Бегущие рядом с ним бойцы услышали, как, истекая кровью, он сказал:

— Вперед, товарищи, не останавливайтесь! Громите вра... — Личкатый не договорил. Вражеская пуля попала в самое сердце моряка. А в левом карманчике у остановившегося сердца лежала маленькая красная книжечка, пробитая пулей врага, — членский билет партии, за которую отдал свою жизнь коммунист Личкатый.

Черноморец Василий Смоляков

... 30 сентября 1941 г., около 23 часов, при налете вражеской авиации на Севастополь в тральщик попали две бомбы. Корабль был сильно поврежден и охвачен пламенем. На корме загорелись бочка с горючей жидкостью и большие глубинные бомбы. Огонь доходил до кормового погреба с боезапасом, ящики со снарядами уже обуглились и тлели. Через несколько мгновений корабль должен был взорваться.

Почти весь личный состав корабля был выведен из строя. Смоляков был ранен осколками в грудь, в обе ноги и в лицо. Горючая жидкость воспламенилась и горела на нем. Но Смоляков не бросил боевой пост, так как на корме мог двигаться лишь он один.

Потушив самого себя (именно так записано в наградном листе), Смоляков скатил бочку с горючей жидкостью за борт, затем мокрым бушлатом сбил пламя с глубинных бомб и их также скатил за борт. После этого Смоляков затопил боевой погреб. Угроза взрыва была устранена. Смоляков, не обращая внимания на свои раны, принялся перевязывать раненых товарищей. Он оказал помощь двадцати человекам, делая жгуты из разор-

ванной одежды, в том числе и из своей. Только под утро от потери крови он лишился сознания. Очнувшись от обморока, он перевязал свои раны и вместе с прибывшими на помощь вел борьбу за живучесть корабля в течение пяти дней, пока тральщик не встал на ремонт.

В декабре 1941 г. Смоляков был переведен на другой тральщик, тоже командиром аварийной группы. 17 июля 1942 г. в тральщик попали сразу три авиабомбы. Был разбит мостик, горел весь полубак, на нем рвались снаряды. В помещении под полубаком бушевало пламя. Огонь дошел до погреба с боезапасом, на стенке его уже горела краска. Будучи контуженным, Смоляков надел асбестовый костюм и кинулся в охваченное огнем помещение. Сбив молотом рожок пожарной магистрали, он затопил погреб и горящие рядом помещения, чем предотвратил взрыв корабля и гибель всего экипажа.

Затем под обстрелом немцев Смоляков собрал товарищей и возглавил борьбу за живучесть корабля. На корабле оставалось всего 12 человек, из них в машинах — трое. Тральщик своим ходом пришел в Туапсе. Смоляков с двумя мотористами на ходу заделывал пробоины, которых было около тысячи. Одну большую в подводной части заделали пластырем, три больших в надводной части — досками, мелкие забили чопами.

В море тральщик атаковали семнадцать немецких самолетов. Они бомбили корабль и обстреливали его из пулеметов. Тральщик отбивался. От попадания бомбы образовалась еще одна крупная пробоина и около сотни мелких. Все они также были заделаны Смоляковым и мотористами на ходу.

В пробитые цистерны с соляром попала вода. Смоляков подавал соляр в расходные цистерны при помощи ручной помпы через резиновую трубку с поверхности. Пришлось работать в противогазе, так как через разбитые коллекторы выхлопные газы проходили в машинное отделение. Корабль благополучно дошел до места.

Смоляков шесть раз участвовал в перевозке боезапаса

в Одессу и Севастополь и в вывозе оттуда раненых на базу. Тридцать раз участвовал в огневых налетах на караваны противника, на его порты. Восемь раз высаживал десантников в Мысхако и в районе Соленого озера.

В этих операциях Смоляков был еще раз ранен в ногу, контужен, но продолжал действовать. Он принимал участие в двухстах походах по конвоированию наших транспортов. Зимой 1942 г. при торпедировании противником нашего транспорта Смоляков на шлюпке подобрал из воды тридцать раненых и доставил их на борт. Действуя командиром аварийной группы, он в свободное время помогал в бою подносить боезапас к автоматам и пулеметам.

Таков сухой и краткий рассказ о том, как сражался за советскую Родину черноморец Василий Смоляков.

Поединок с огнем

Ночь застала катерный тральщик на боевом тралении. Уже более двадцати часов он выполнял задание.

Скоро по этой водной полосе должны были пройти наши боевые корабли. Траление не было кончено. Командир катерного тральщика младший лейтенант Шишковский с тревогой прислушивался к работе моторов. Что-то неладное сегодня слышалось в их рокоте. То они развивали бешеные обороты, то, словно захлебнувшись, затихали.

Вдруг из моторного отсека вырвался красный пучок огня. Он мгновенно охватил насыщенный парами бензина воздух и быстро распространился по всему моторному отсеку. Ярким пламенем вспыхнули моторы.

Пожарная тревога!

Задыхаясь в густом, едком дыму, не обращая внимания на ожоги, мотористы краснофлотцы Гордиенко, Шаров под руководством старшины 1 статьи Урбановича вступили в борьбу с огнем.

Дымилась одежда, острая боль жгла тело.

Пламя, как затравленный зверь в клетке, металось из стороны в сторону. Вот оно перебросилось от моторов к бензоцистернам, еще несколько секунд, и цистерны, наполненные бензином, взорвутся.

Старшина 1 статьи Урбанович, не раздумывая, бросился на самый опасный участок. Он быстро задраил горловину бензоотсека, перекрыл бензин, и пламя медленно отступило.

В это время около входного люка загорелась деревянная обшивка, пламя грозило переброситься из моторного отсека на деревянные надстройки.

Мотористы Урбанович, Гордиенко и Шаров, рискуя задохнуться дымом, наглухо задраили входной люк.

Теперь пламя бушевало только в моторном отсеке. Оно временами слабело, затем с новой силой набрасывалось на те места, где накапливались пары бензина.

Песком, огнетушителями, кусками брезента моряки сбивали пламя, и, наконец, огонь, потеряв силу, медленно угас.

Через несколько минут запустили моторы. Оставляя пенистые волны, катер снова пошел вперед.

Катерный тральщик продолжал выполнять боевое задание.

Сам погибай, а товарища выручай

Большая группировка немцев охватила полукольцом и прижала к реке Т. горстку красноармейцев. Красноармейцы отчаянно отбивались. На третьи сутки у них осталось всего по нескольку патронов. Уже третьи сутки они ничего не ели. Немцы, предвкушая победу, с каждым часом все более наглели.

Красноармейцы могли спасти свою жизнь, незаметно переплыв ночью реку. Но тогда они изменили бы своему долгу, не выполнили бы приказа держаться до по-

следнего. И они стойко держались, отвечая на сотни фашистских пуль одной-двумя пулями. Они держались, с надеждой посматривая на реку: моряки высадили их тут, и моряки не оставят их в беде.

И они не ошиблись! Балтийцы дважды посылали им боезапас и продовольствие, но оба раза ураганный артиллерийский и минометный огонь преграждал путь катерам, выводя их из строя.

На третий раз, днем 23 августа, к осажденной группе двинулся катер комсомольца Александра Рыбченко.

Рыбченко и его моторист Иван Никаноров проявили себя в боях у реки Т. бесстрашными воинами. Они смело водили свой катер к вражескому берегу, то перебрасывая туда бойцов, то подвозя им боезапас. Их не страшили ни мины, ни снаряды, ни пули.

На этот раз они взяли боезапаса и продуктов питания ровно вдвое больше нормальной грузоподъемности катера. Это было очень рискованно, но там, куда они шли, была крайняя нужда в боезапасе и продовольствии, и Рыбченко и Никаноров решили пойти на риск.

Тяжело нагруженный катер медленно вышел из-за мыса. Немцы увидели катер и открыли по нему бешеную стрельбу из орудий, минометов, пулеметов и автоматов. Снаряды и мины рвались так близко, что вздыбленная ими вода захлестывала внутрь катера. Пули неистово стучали по железу козырька, точно кто-то клепал заклепки.

Казалось, что ни за что не проскочить через эту стену раскаленного металла. Но Рыбченко и Никаноров твердо решили прорваться к берегу. У каждого из них был свой грозный счет гитлеровцам. У Рыбченко в фашистском плену была старуха-мать. Он хорошо помнил ее последнее письмо: «Мсти им, проклятым, сынок, бей их, души гадов без устали...» У Никанорова в блокированном немцами Ленинграде в страшную зиму сорок первого года погибли отец и две сестры. Ненависть, лютая, неутолимая ненависть к немцам вела краснофлот-

2*

лев сквозь грохочущий ад разрывов и пулеметных очередей.

Когда катер приближался к берегу, немцы перешли в наступление. Они были уже так близко, что их ручные гранаты долетали почти до самой реки. Фашисты пали из автоматов, осыпали позицию храбрецов роем гранат. Красноармейцы молчали, сжимая винтовки с примкнутыми штыками: им нечем было отвечать, у них не осталось ни одного патрона.

Немцы продвигались вперед с опаской, думая, видно, что красноармейцы готовят какой-то подвох. Они медленно ползли к позиции. А их пушки и минометы били и били по катеру.

Но ничто не могло остановить краснофлотцев. Они достигли берега. Они доставили боезапас, доставили вовремя! И пока под неистовым минометным огнем шла разгрузка катера, Рыбченко и Никаноров намного увеличили свой счет истребленных фашистов.

На обратном пути катер был опять перегружен. Жесткая норма — 13 пассажиров, а катер нес 35 человек, 35 раненых бойцов, под нещадным вражеским огнем. Его борта были изрешечены пулями и осколками. Он был полон воды и держался на плаву каким-то чудом. Небольшой крен, и катер потонул бы, хлебнув бортом воду. Но Рыбченко — отличный командир. Он вел свой истерзанный корабль с величайшей осторожностью, и катер стал тонуть уже у самого санитарного батальона. Тут была мель, и Рыбченко посадил на нее свой катер.

2 часа 20 минут находился катер отважных краснофлотцев под жестоким вражеским огнем. Две полные пригоршни пуль собрал его доблестный экипаж в мягкой рухляди, прикрывавшей козырек. Сбились со счету краснофлотцы, заделывая пробоины.

«Сам погибай, а товарищей выручай!» — таков старый флотский обычай. Александр Рыбченко и Иван Никаноров свято чтут этот обычай.

Во время боя...

Моторист катера Федор Лехно находился у правого мотора. Воспаленными от долгой бессонницы глазами следил он за распределительным щитком, на круглых циферблатах которого дрожали стрелки.

Тяжелый немецкий снаряд разорвался у борта катера. Взрыв потрясающей силы и треск бортовой обшивки оглушили Лехно. Он пришел в себя лишь спустя несколько секунд.

Лехно сделал шаг и снова упал, больно ударившись об острый угол кронштейна. Он увидел, что осколком снаряда был перебит гибкий шланг тахометра. Моторист стер кровь с лица и бросился к мотору.

Не теряя времени, Лехно ловко соединил поврежденное место. Мотор продолжал работать без перебоев. А наверху шел бой. Выйдя из-под обстрела вражеских береговых батарей, катер дрался теперь против вражеских самолетов. Для раненого, потерявшего много крови моториста работа осложнялась еще и тем, что приходилось то и дело менять ход.

Наскоро перевязав рану, Лехно продолжал нести ходовую вахту. Смертельная усталость сковывала тело. Сколько времени продолжался бой, он не знал. Только лишь в базе ему стало известно, что катер вышел из боя победителем, уничтожив немецкий бомбардировщик и разведав вражеские огневые точки.

За стойкость и боевое мастерство, проявленные в этом походе, моторист Федор Лехно был награжден медалью «За боевые заслуги».

На вахте у мотора Михаил Смородин

Катер готовится итти в Новороссийск высаживать десант. Катерники ждут бойцов морской пехоты.

Над головой загудела палуба, удары сапог прыгающих с пристани на катер людей глухо отдавались внизу. Смородин начал готовить машину к пуску.

Наконец, пришел приказ... Левой рукой моторист нажал кнопку стартера, а правой начал крутить пусковое магнето. Мотор зашипел, вздрогнул и, сделав вспышку, заработал.

Стрелки телеграфа стали на «малый вперед».

Получен новый приказ:

— Полный вперед.

Смородин внимательно слушал песню машин, знал, что означает каждый звук, привычным слухом угадывал малейшие ненормальности в их дыхании, реагировал на их жалобы и стоны.

Вдруг стрелка телеграфа с «полного» перескочила на «стоп». Смородин, сбавив обороты, выключил с переднего хода. Прошло несколько секунд. Телеграф показал «полный назад», и сразу же где-то сбоку послышались глухие разрывы. Один раз... потом еще и еще. Корпус катера вздрагивал.

«Что делается там, наверху? Может быть, уже есть раненые? Кто? Откуда бьет враг? Где мы?» — десятки вопросов мучили моториста.

Телеграф показал «полный вперед». Не успел Смородин переключить рычаг реверса на передний, как две пули прошили машинное отделение. Они разорвались, пробив коллектор мотора. Через отверстие вместе с выхлопными газами хлынула фонтаном вода. Потух свет. Рвущиеся в трюме пули освещали машинное отделение.

Смородин кидался от одного места к другому; заделал пробоины, восстановил свет. От выхлопных газов у него закружилась голова. От жары и напряжения горело тело, а пули все рвались и рвались. Вот одна из них пробила крышку мотора и, разорвавшись в рычаге реверса, раскаленными осколками впилась в тело моториста. Он продолжал заделывать изоляционной лентой пробитую крышку мотора.

Только когда все было сделано, Смородин заметил на надраенных медяшках мотора рядом с масляными пятнами пятна своей крови.

Телеграф показал: «стоп». Смородин услышал стук сапог. Это бойцы сходили на занятый врагом берег, готовились к штурму.

— Наконец-то! — тяжело вздохнул он.

Когда вернулись в базу, Смородин заглушил моторы и поднялся на палубу. Измазанного кровью и грязью, его трудно было узнать.

— Идите на берег, перевяжитесь, — сказал ему командир.

— Разрешите сначала устранить неисправности? — спросил он.

Получив разрешение командира, Смородин спустился в машину и начал осматривать мотор.

Самоотверженность котельного машиниста Гребенникова

Вокруг корабля все чаще и чаще рвались снаряды тяжелых фашистских батарей. У самых бортов поднимались огромные столбы вспененной воды. Нанеся непоправимый урон врагу, корабль уходил из-под обстрела вражеских пушек... Котлы работали на полной форсировке. И люди и механизмы были напряжены до предела. Каждый знал, что от скорости хода зависит сейчас судьба корабля.

Павел Гребенников стоял вахту на заднем фронте управления котлом. После очередного разрыва снаряда у самого борта он заметил, как белое пламя в топке стало краснеть и из глаза топки начала выбиваться вода. На переднем фронте заколебались стрелки приборов. К Павлу подбежал краснофлотец Тарасов.

— В чем дело, что случилось?

— Кажется, от сотрясения лопнула трубка, — быстро ответил Гребенников.

Стрелка машинного телеграфа метнулась на «стоп». Гребенников немедленно выключил форсунки и побежал на передний фронт, чтобы принять участие в выводке

котла. Он открыл лаз топки и принялся определять район нахождения лопнувшей трубки.

Через несколько секунд он доложил командиру отделения Бондаренко:

— Трубка лопнула в малом пучке, третья с заднего фронта... Скорее принесите асбестовый костюм, — попросил Гребенников.

Пока он надевал этот костюм, а санитар Кива обматывал ему голову бинтом, смазывал вазелином глаза, нос и рот, товарищи приготовили инструмент. Все знали, что в котле сейчас температура около 200°, знали, что если краснофлотец хотя на минуту замешкается, то он сразу же задохнется в этой адской жаре.

Но Гребенников не думал о своей жизни, о личной опасности. «Спасти корабль, вернуть ему полный ход, пусть даже ценой своей жизни» — вот единственная мысль, которая двигала им...

В раскаленном котле воздуха не было, кругом стоял горячий, забивающий дыхание газ. Одного глотка такого газа было достаточно, чтобы сердце перестало биться. Набрав полные легкие воздуха и стиснув зубы, Гребенников скрылся в горловине. Быстро отсчитал трубки, нашел повреждение. Работал, экономя каждое движение.

Прошла минута. В ушах стало звенеть, перед глазами поплыли разноцветные круги. Легкие требовали новой порции кислорода.

Гребенников высунул голову, жадно глотнул воздуха и снова скрылся. Раздались глухие удары кувалды. Еще 70 секунд потребовалось краснофлотцу, чтобы окончательно забить заглушку в трубке. С помощью Резникова он выбрался из котла. Но отдыхать было рано. Гребенников сразу же полез в водяной коллектор.

Здесь было еще труднее: дно коллектора было покрыто цинковыми пластинами, которые при неосторожном движении задирались и мешали. Отважного краснофлотца хотели привязать за ноги тросом, чтобы, если он по-

теряет сознание, можно было его вытащить. Но Гребенников ответил:

— Умирать не собираюсь, а если и задохнусь, то никакие тросы все равно не помогут.

Тогда время от времени его стали поливать холодной водой. Она моментально вскипала и испарялась. Капли горячей воды попадали под комбинезон и обжигали тело. Горели выбившиеся из-под бинтов волосы. Но он работал, превозмогая все.

И вот раздался последний удар кувалды. Трубка заглушена. Вслед за этим Гребенников почувствовал, что теряет сознание. Он еле-еле добрался до горловины, высунул ноги. Товарищи вытащили его, вынесли на верхнюю палубу, на свежий воздух, быстро сняли с него асбестовый костюм, окатили холодной водой. Гребенников пришел в сознание.

Страна высоко оценила этот самоотверженный поступок Павла Гребенникова. Указом Президиума Верховного Совета он награжден орденом Красного Знамени.

Стойкость победила

Снаружи глухо доносились звуки боя, разрывы вражеских снарядов, резкий говор наших пушек и пулеметов. Внимание мотористов было поглощено работой механизмов, слух прикован к ровному рокоту моторов.

Внезапно в уши больно ударил грохот взрыва — в моторном отсеке разорвался снаряд. В трубе выходящей пресной воды образовалась большая пробоина. Старший моторист Коновалов немедленно открыл кран охлаждения мотора забортной водой.

Снова взрыв. Новое попадание снаряда — на этот раз в голову блоков среднего мотора. Из-за густого дыма не стало видно щитков приборов. Отработанные газы вырывались в отсек. Мотористы надели противогазы. Гопкалитовые патроны очищали воздух от отработанных газов.

Скопление дыма и газов становилось все больше. Они создавали непроницаемую для глаз завесу, за которой терялись щитки приборов. Напрягая до боли зрение, с трудом удавалось рассмотреть колебания стрелок приборов.

В носовой отсек попал вражеский снаряд. В отсеке было по пояс воды. Ноги деревенели от холода. Но было не до этого. По пузырчатому бурунчику старшина 2 статьи Шешуков быстро нашел пробоину. Она была в днище.

Он схватил подвернувшуюся под руку капку и сунул в пробоину. Но пробоина была так велика, что капка вывалилась наружу. Тогда Шешуков пустил в ход два лежавших в кубрике полушубка. Но струей их вырвало обратно. Старшина наложил сверху узкую паелину и стал на нее, своей тяжестью удерживая ее на месте. Вскоре мичман Филатов принес механическую распорку, и вдвоем они укрепили заделку. Теперь воды поступало меньше.

Когда Шешуков вернулся в моторный отсек, первое, что он увидел, было пламя, охватившее средний мотор.

— Пожар, нужны «минимаксы», — крикнул ему Коновалов.

Шешуков бросился наверх и с огнегусителем спустился в отсек. Но Коновалов уже успел перекрыть пожарный бензиновый кран, и пламя бензиновых паров тут же потухло.

Теперь вся нагрузка легла на два мотора. От недостатка воды для охлаждения правый мотор стал перегреваться. С разрешения командира Коновалов на короткое время заглушил мотор и деревянным чопом забил отверстие в поврежденной трубе. Мотор заработал исправно.

В носовом отсеке ни на минуту не прекращалась борьба с водой. Это была тяжелая схватка балтийцев с морем ради сохранения жизни родному кораблю, на котором они прошли трудный боевой путь. И не было такой силы, которая смогла бы заставить их бросить корабль в часы тяжелого испытания

Мичман Филатов руководил мотористами. Его спокойствие и твердость передавались всем. Сам старшина группы откачивал воду помпой, пулеметчик Выренков вычерпывал воду из затопленного отсека ведрами, остальные выносили и выливали ее за борт. Работали стоя в воде. Тело ныло от усталости, все члены сковывал мертвящий холод. Но никто не сдался, не опустил рук перед трудностями. Советские моряки победили!

Машинист Павел Омельченко

Немцы уже два дня подряд бросали крупные соединения самолетов на наши корабли. Они совершили десятки атак, потеряли несколько бомбардировщиков, но продолжали налеты. На корабле были уверены, что сегодня атаки повторятся, и приготовились к бою.

Шел одиннадцатый час. Павел Омельченко спустился в машинное отделение. Он всегда входил сюда с тем же чувством, с каким в детстве входил в родную хату. Все здесь — близкое и дорогое сердцу, в каждой детали — частица собственного труда. Корабль строился и вступил в строй на его глазах.

До машинного отделения донеслись частые выстрелы зениток, и сразу же ударили звонки громкого боя. По трапу скатился Леша Самсонов — близкий друг и товарищ Омельченко.

— Что там? — спросил Омельченко.

— Самолеты. Штук 50, наверно. Идут прямо на нас...

В это же мгновение стрелка телеграфа прыгнула на «средний» и сразу же — на «полный». Омельченко привычным движением выполнил приказание. Корабль рванулся вперед.

Бой был в разгаре. Неистово трещали зенитные пушки, заговорили пулеметы.

В машинном отделении — неумолчный шум, но привычный к нему слух улавливает и другие звуки. Слышно, кто-то кричит:

— Сбит, сбит! падает...

«Значит еще один самолет врага отправили в залив», — проносится радостная мысль.

«Стоп»! — властно потребовала стрелка телеграфа.

«Самый полный назад»!

Для машиниста Омельченко ясно, что это означает, почему командир корабля так меняет хода. Он проворно выполняет приказание. Он слышит, как свистят бомбы, чувствует их удар вблизи корабля.

— Есть стоп! — репетует он.

— Есть самый пол...

Он не договорил. Раздался страшный треск, и в то же мгновение огромный клуб горячего пара ударил в маневровый клапан. Кто-то вскрикнул и рухнул на площадку.

Пар обжигал руки, лицо, нестерпимая боль сковала тело, но Омельченко не сдавался.

— Есть самый полный, — медленно сквозь зубы проговорил он, выполнив приказание, и тут же упал.

Лицо и руки Омельченко покрылись страшными ранами ожогов. Но в его груди билось сердце моряка, и, когда к нему вернулось сознание, лишь одна мысль тревожила его: что с кораблем?

В госпитале об этом или не знали или не хотели говорить. Только спустя неделю он узнал, что Леша Самсонов — его лучший друг — умер от ожогов. Затем Омельченко навестил краснофлотец Гончаров и глухо сказал:

— Затонул наш корабль...

С этой минуты каждый день стал казаться месяцем. В груди машиниста клокотала злоба к врагу, хотелось быстрее отомстить ему за родной корабль, за гибель Самсонова. И как ни уговаривали его врачи не торопиться с выпиской из госпиталя, он настоял на своем: добился назначения в морскую пехоту. Так же поступили многие его товарищи.

Ему опять не повезло. В одном из боев осколок мины

сильно повредил ногу, и снова пришлось итти в госпиталь.

— Тяжело было на душе, — рассказывает Омельченко. — Я тогда еще не знал, что все обернется так хорошо.

Глаза его сияют радостью, лицо, на всю жизнь сохранившее следы ожогов, расплывается в широкую улыбку. Его радость понятна и разделяется всеми людьми корабля. Идут тяжелые будни войны, а чувство у всех праздничное, веселое — поднят родной корабль, и опять они пойдут громить врага.

Огромных, нечеловеческих усилий стоили бойцам и командирам подъем корабля, заделка пробоин, ремонт механизмов. Но все труды полностью оправдались, и сейчас никто не хочет вспоминать о бессонных ночах, о напряженной работе.

Штурманский электрик Нестеров

Перископ без устали чертил на волнующейся поверхности моря едва заметный пунктир курса подводной лодки. Но как ни напрягал свое зрение вахтенный командир, враг еще не был обнаружен.

Волна все увеличивалась, и к ночи разыгрался шторм. Всплывать на поверхность в такое время — дело сложное и опасное. Но если этого не сделать, аккумуляторы откажут в работе.

Решили всплыть. Но только отдраили рубочный люк, как лодку сильно накренило, и в рубку хлынула вода. Командиру, да и всему экипажу, пришлось приложить немало усилий, чтобы удержать лодку на волне.

Однако не все обошлось благополучно. С уходом на глубину сразу же обнаружилось, что в перископы попала вода и они вышли из строя. Теперь если и встретится транспорт противника, его не атакуешь с подводного положения. Больше того, лодка сама могла оказаться легкой добычей для врага.

Нужно было вскрыть окулярное и дальномерное устройства, осушить перископ. Подобную работу выполняют только на заводе. Взгляды всех обратились на штурманского электрика Нестерова.

— Сделаю, — сказал он твердо. — Хотя эта работа мне и незнакома, но сделаю.

Подводная лодка легла на грунт. В отсеках тихо. Казалось, что каждый слышит биение собственного сердца. Так чувствуют себя люди у входа в операционную, когда там, за дверьми, решается судьба близкого человека.

Нестеров внимательно изучал, как надо отвернуть то или иное кольцо, чтобы достать линзы и протереть их. Он знал, что нужно торопиться, и все же вынужден был действовать с большой осторожностью. Малейшая ошибка могла привести к тому, что он не сдержит слово.

Много настойчивости и умения пришлось проявить подводникам еще на пути к боевой позиции. Совершенно неожиданно в одной узкости лодка попала в сети. С большим трудом она вырвалась из них. Но тут оказалось, что один винт поврежден.

Пришлось всплыть. Ночь была лунная. Вражеский берег недалеко. Лейтенант Крылов, старшина 2 статьи Блинов, краснофлотец Еремин и другие вызвались исправить винт. Они знали, что враг может ежеминутно обнаружить лодку и тогда придется срочно погружаться. Но люди смело спускались в воду, думая лишь об одном: во что бы то ни стало исправить повреждение, дать возможность кораблю выполнить боевое задание. И винт был исправлен.

Лодка уже потопила два транспорта противника, но в аппаратах есть еще торпеды. Не к лицу советским подводникам возвращаться в базу с торпедами в аппаратах. Нужно во что бы то ни стало ввести в строй перископы.

Нестеров вскрыл окулярное и дальномерное устройства, разобрал линзы и стал устранять с них воду. Он видел, что дело подвигается успешно. Это радовало и бодрило всех.

И когда услышали: «Есть! Перископы исправлены», — все облегченно вздохнули.

Лодка снова пошла на поиск вражеских кораблей. До ухода с боевой позиции было потоплено еще два транспорта противника. И в этом большая заслуга штурманского электрика старшины 2 статьи Нестерова.

На минной банке

За кормой раздался огромной силы взрыв. В отсеках погас свет. Подводники услышали стук падающих вещей и приборов, а затем нарастающее шипение, похожее на свист вырывающегося на свободу пара. Потом забулькала вода, проникающая сквозь разошедшиеся швы корпуса подводной лодки.

В кормовом отсеке журчание воды заглушил громкий голос:

— Заделать повреждение корпуса!

Боевой приказ командира отсека главного старшины Полякова вывел краснофлотцев из короткого оцепенения. Впотьмах все заняли свои места. Иваненко и Позняков подали старшине 2 статьи Папуше и краснофлотцу Прокопенко аварийный инструмент. А те уже стояли там, где фонтаном била вода.

Прокопенко начал забивать клинья. Старшина 2 статьи Литвинов и краснофлотец Рудь заменяли лопнувшие лампочки и колпаки. Через несколько минут в отсеке появился свет.

Настил между тем покрывался водой. Она подступала к главным электромоторам. Электрики Покурин и Ворошилин бросились спасать боевые механизмы, защитили моторы резиной, жестью, одеждой.

В центральный пост поступали доклады о том, что не перекладываются горизонтальные рули, что отказали манометры, вышел из строя глубомер.

В это время все ощутили толчок: командир положил подводную лодку на грунт.

— Как дела у вас, инженер? — крикнул капитан-лейтенант Кукуй командиру БЧ-V Глушичу.

— Левая линия вала исправна, правая проворачивается не полностью.

Подводники облегченно вздохнули: значит, у подводной лодки уцелела хоть одна «нога». Но рули не перекладывались. Без них трудно было выбраться с минной банки. Капитан-лейтенант Кукуй решил по возможности привести механизмы в порядок на грунте, а ночью попытаться всплыть.

— Положение тяжелое, но выйти из него можно, — сказал капитан-лейтенант на коротком совещании командиров. — Основная задача — всплыть.

Томительно тянулись часы. Все не занятые работами лежали неподвижно, экономя кислород.

В 23.30 из центрального поста передали приказ командира:

— По местам стоять к всплытию!

Трюмный Дехтяренко продул среднюю цистерну. Подводная лодка не всплывала. Командир приказал продуть четвертую. Но она была повреждена и сейчас же снова заполнилась водой.

— Продуть диферентную!

Диферентная также мгновенно заполнилась водой.

Только после того, как были продуты еще две цистерны, подводная лодка медленно пошла вверх.

Подводники напряженно ждали приказаний от поднявшегося наверх командира.

— Сигнальщика на мостик! — услышали в центральном посту. Это означало, что поблизости противника нет.

— Левый вперед! — приказал командир.

Подводная лодка медленно покатилась вправо — туда, где минные поля. Мотор пришлось застопорить. Ветер и волна помогли морякам развернуть корабль влево. Когда

он пришел на курс, мотор снова запустили. На новом курсе опять застопорили, выжидали, пока подводная лодка развернется, и вновь дали ход. Маневрируя, командиру удалось держать корабль на генеральном курсе.

За ночь прошли всего 2,5 мили, но зато миновали минную банку. Под утро погрузились. Боцман Качурин уточнил состояние рулей. У вертикального была отбита нижняя часть, а верхняя согнута. Тяга цела. Можно было перекладывать руль влево-вправо до 6 градусов, но этого было недостаточно для управления. Поэтому командир решил прежде всего ввести в строй правую линию вала. Предстояло обрубить согнутую лопасть винта, которая цеплялась за ограждение рулей.

Целый день подводники готовились к этой работе. Когда наступила ночь и снова всплыли, на мостик поднялись в эпроновских костюмах главный старшина Поляков и старшина трюмных Дехтяренко.

Чтобы им легче было работать, создали диферент корабля на нос. Поляков и Дехтяренко, уцепившись за ограждение рулей, наощупь рубили изогнутую лопасть. Эта работа заняла два с лишним часа. Когда лопасть обрубили, мотористы доложили, что вал проворачивается полностью.

Команда уже много сделала для того, чтобы обеспечить возвращение подводной лодки в базу, но борьба за пловучесть продолжалась.

Из кормовых отсеков конвейером перенесли все запасные части и некоторые механизмы. За борт выбросили отработанные патроны регенерации, удалили из носовых цистерн жидкий балласт. Этим облегчили подво́дную лодку. Старшие лейтенанты Широкий и Коваленко произвели расчеты перераспределения балласта.

Получив нормальную пловучесть, подводная лодка направилась к родным берегам. Благодаря мастерству командира и стойкости всей команды корабль был благополучно приведен в базу.

Мотористы в боевой операции

Зарываясь форштевнем в волны, к берегу приближался маленький корабль. Появились «Мессершмитты». Мертвая тишина сменилась пулеметной трескотней, воем мин, свистом снарядов. Корабль ловко увертывался от вражеского огня и продолжал свой путь.

«Мессершмитты», как коршуны, кружились над катером, стреляли из пулеметов и пушек. Огонь орудийных расчетов старшины 2 статьи Силантьева, старшего краснофлотца Алексеева, пулеметчиков Степаненко и Прокофьева сбивал фашистских летчиков с курса. Бомбы, сброшенные фашистами, ложились то по корме, то по борту.

В машинном отделении вышел из строя один из механизмов. Механик Астапов и мотористы быстро нашли поломку. Для устранения ее требовалось закрыть вентиль одной детали. Давление воды было очень сильным, она била мощной струей и не давала возможности закрыть клапан. Самоотверженно действовал старшина 2 статьи Клюйков. Ледяная вода обжигала ему руки. Весь мокрый, Клюйков продолжал работу.

Ему помогал моторист Вахотский. Прошло не более десяти минут, и наверх доложили, что мотор в полной исправности. Отстояв свою вахту, Клюйков и Вахотский отправились на верхнюю палубу и помогли товарищам. Затем снова вахта, снова напряженная работа.

Пожалуй, трудно сосчитать, сколько таких часов провели мотористы в последнее время. Корабль совершил множество огневых налетов на берег, временно занятый противником. И всегда, во всех рейсах, машина — сердце корабля — работала четко и ритмично, без перебоев. Это заслуга крепко спаянного коллектива мотористов: Астапова, Клюйкова, Вахотского и Базова.

Подводный ход

...Это произошло через несколько часов после перво[й] атаки. Личному составу пришлось выдержать тяжелое и[с]

пытание, которое потребовало мобилизации всех физических и моральных сил. Несколько вражеских кораблей внезапно осыпали лодку глубинными бомбами.

Послышался оглушительный грохот. Батарейный автомат отскочил, Фролов быстро врубил его. То же произошло и на главных станциях. Но лодка должна двигаться во что бы то ни стало. Главный старшина Дементьев и молодой краснофлотец Воронин включили автоматы так быстро, что моторы даже не успели остановиться.

Взорвалось еще несколько бомб. Лампочки выскакивали из патронов и падали на палубу.

Лодка шла малым ходом. Дементьев прислушался и уловил характерное шипение. «Где-то воздух травит. Не было бы пузыря, а то нас в два счета обнаружат», — тревожно подумал он и бросился поджимать клапаны. Но это не был шум воздуха. От сотрясения отдался на пол-оборота кингстон отливной магистрали, и в нее ворвалась забортная вода. Дементьев довернул вентиль. Шипение прекратилось. Теперь хорошо!

Бомбежка прекратилась, и командир подвсплыл на перископную глубину. Снова раздались три мощных взрыва, лодка вздрогнула от удара. Опять погружаться? Хватит ли электроэнергии, воздуха?

— Самый полный вперед!

Пожирая драгоценные амперчасы, на предельной скорости заработали электромоторы.

Электрик Фролов огляделся. Он заметил под ногами темные маслянистые лужицы.

Неужели потекли элементы. Только бы не это!

Он кинулся к бакам. На них блестели крупные капли влаги. Обмакнув палец, попробовал на язык — соляр! — и вздохнул с облегчением. Лодка погрузилась, и теперь тон работы электромоторов снова понизился. Это был дружный оркестр механизмов — ни один не фальшивил. Зато там, наверху, казалось, гремели гигантские медные тарелки, и после каждого взрыва рассыпалась мелкая барабанная дробь.

В лодке стало трудно дышать. От недостатка воздуха лица людей покраснели и покрылись крупными каплями пота. Командир, внешне спокойный, шел по отсекам и беседовал с краснофлотцами. Он приблизился к Дементьеву и спросил:

— Если будут пробоины, заделаете?

— Заделаем, — ответил Дементьев твердо. Он понял все.

— Орудийным расчетам приготовиться! — передали по переговорной трубе.

Экипаж приготовился победить или дорого отдать свою жизнь.

Лодка всплыла.

Расчеты, шлепая по воде, бросились к орудию. Люди стали дышать часто и глубоко, пьянея от морского воздуха, от солнца. Вокруг никого уже не было. Горизонт был чист.

Командир боевой части приказал Фролову отдохнуть, но через несколько минут вызвал его и сказал тихо:

— Указатель вертикального руля вышел из строя. Надо сделать.

Фролов побежал выполнять приказание.

Подводная лодка легко скользила по поверхности, а вокруг нее росла и ширилась, наполняя сердца подводников торжеством, могучая мелодия океана.

Командир котельного отделения

На миноносце сыграли воздушную тревогу. По звонким палубам дробно застучали десятки каблуков. Старшина 2 статьи Колесников побежал в котельное отделение. Он быстро проскользнул в узкий люк и деловито осмотрелся. Вахту у горения нес Пуканов. Лицо его было озабочено.

— В коллекторе лопнула трубка, — доложил он коротко.

— Что ж, будем глушить, — ответил командир отделения. А сам подумал: «Плохо, если мы сбавим ход в бою».

Невысокий худощавый командир застыл на мгновение перед темной громадой котла, соображая, что предпринять. В это время пришел приказ от командира боевой части: вывести котел... Дальше было ясно без слов.

Пламя в топке угасло, но в ней остался душный раскаленный воздух. Медлить нельзя ни секунды, скоро — бой. Колесников, натянув два комбинезона, подошел к лазу коллектора.

— Асбестовый костюм возьми, — посоветовал ему главный старшина Одоев.

— Некогда, — ответил Колесников. — Говорят, в таких случаях лицо и руки мажут вазелином, только и этого не успеть...

— Давай. Несколько скачков, и побыстрее. Не задерживайся, — напутствовал его Одоев.

Командир отделения влез в раскаленный коллектор. Сразу захватило дыхание и больно обожгло уши. Главное — не дышать глубоко и ползти. Все вперед и вперед. Кровь бросилась в голову. Казалось, это она гудит и заставляет содрогаться корпус корабля.

Наверху ударили зенитки. Значит — началось. Машины прибавили ход, и миноносец мчался, рассекая густые, тяжелые волны.

Еще несколько усилий. Жар сжимал виски, слезы застилали глаза. Наконец, Колесников дополз. Вот и поврежденная трубка. Он нащупал ее. Здесь будет очень тесно разворачиваться.

Раздалось несколько гулких, звенящих взрывов. Знакомый звук — бомбы. У Колесникова появилось страстное желание вылезти наружу. Его никто не осудит за это. Здесь уже дышать нечем. Только на мгновенье — выскочить и вздохнуть. Но какими глазами он, коммунист Колесников, будет смотреть на товарищей... Нет, нельзя уходить. Старшина начал быстро заглушать трубку.

Через несколько минут товарищи уже помогали ему вы-

браться из коллектора. Зажмурив воспаленные веки, он кинулся под вентилятор. Лицо, плечи, грудь обдала живительная струя воздуха. Она пахла порохом. Над самой головой, не умолкая, бил автомат. Неподалеку продолжали рваться бомбы. Все в порядке. Неисправность устранена.

Колесников чутко прислушивался к работе механизмов. В их шуме пропадает голос человека. Нужно развести котел. Старшина свистом привлекает к себе краснофлотцев и подает им знаки. Они понимали его с малейшего намека.

— Следи за водой, — жестом приказывал командир отделения Урману.

— Хватит воды, — отвечал Урман тоже жестом.

Главное — чтобы не было дыма. Снова свист, и рука Колесникова быстро вычертила спираль. Это — Сухоносову: убавить воздух.

Миноносец сбавил ход. Командир отделения сдал вахту и вышел на верхнюю палубу. Он подставил лицо ветру и жадно вдыхал влажный солоноватый воздух.

Три краснофлотца стояли на боевом посту...

Все шло своим чередом. Штурманские электрики Константин Суханцев и Николай Никаноров следили за работой компаса, лага и эхолота. Рулевой Илья Кобылан находился на запасном посту. Все знали — скоро грянет бой. Каждый хорошо понимал свою роль и задачу.

Штурман вел корабль по счислению, по показаниям компаса, лага и эхолота, по приборам, которые обслуживали три краснофлотца.

Вдруг корабль сильно встряхнуло. В штурманском посту стало темно. Суханцев, Никаноров и Кобылан наощупь стали искать повреждения. Надо было во что бы то ни стало осветить приборы.

Когда вспыхнула лампочка летучки, краснофлотцы увидели, что некоторые приборы были сбиты со своих мест, а лаг и эхолот не действовали.

— Будем наводить порядок, — спокойно сказал Суханцев.

Не успел он произнести этих слов, как последовал новый сильный удар. Суханцев почувствовал невыносимо острую боль в ногах. Он упал и, ползая в темноте, отдавал распоряжения, отыскивал наощупь приборы и спешил, пока есть силы, устранить повреждения.

Мгновенно сделали переключение на кормовые гироскопы. У Кобылана жгло щеку, но он, пересиливая боль, помогал Суханцеву восстанавливать приборы.

Суханцев, крепко стиснув зубы, где лежа, где стоя на коленях, продолжал работать. В отсек натекло много воды и нефти.

— Идите в лазарет, товарищ Суханцев, — сказал командир.

— Товарищ командир, —ответил краснофлотец,—разрешите не уходить с поста, у меня есть силы работать.

И он продолжал ползать в воде и нефти, нащупывая приборы и исправляя их.

— Как компас и руль? — спросил командир корабля.

— Теперь все в порядке, — доложили с поста.

Корабль продолжал свой путь.

Никто из краснофлотцев не ушел с поста, пока не затих бой. Только тогда Никаноров взвалил Суханцева на плечи и понес его в лазарет, а Кобылан вспомнил о своей сожженной щеке.

Три краснофлотца до конца выполнили свои обязанности. Пост их действовал, и корабль вышел из боя невредимым.

У котлов — Иван Будишевский

Корабль шел полным ходом, приближаясь к вражеским берегам. На вахте у турбопитательных насосов — котельный машинист старший краснофлотец Иван Будишевский.

Вахта сегодня особо ответственная. Чуть зазеваешься, отвлечешься — нарушится питание котла. А допустить

это — значит не дать кораблю быстро менять ход, поставить под угрозу выполнение боевого задания.

Вот почему так внимателен котельный машинист.

Иван Будишевский не видит, что происходит на верхней палубе. Но он ясно представляет себе, как напряженно, до боли в глазах, всматриваются в утреннюю дымку сигнальщики и наблюдатели. Он знает, что в эти минуты комендоры и торпедисты находятся у своих боевых постов, готовы к бою.

Двадцать два часа стоит на вахте Иван Будишевский. Но ни на йоту не ослабло его внимание. Он так же, как и в первые часы вахты, внимательно следит за приборами.

Утреннюю тишину расколол орудийный грохот. Начался бой.

Взрывной волной Ивана Будишевского подбросило вверх. В котельном отделении погас свет, перестали работать насосы и другие вспомогательные механизмы. Хлынула вода.

Иван Будишевский встал на ноги и, хромая, бросился к резервному турбопитательному насосу, но не успел запустить его, как сильный толчок снова свалил его с ног.

«Ухабистая дорожка, — успел подумать котельный машинист. — Что бы это значило?»

Но размышлять некогда. Будишевский начал лихорадочно работать, обеспечивая питание котлу, изо всех сил стараясь сохранить кораблю ход, нужный в бою.

Из насоса выпал тахометр и провалился в трюм. Иван Будишевский в одно мгновение бросился туда, достал его и водрузил на место. Краснофлотец упорно боролся за жизнь корабля, не думая о собственной жизни, и он победил.

Благодаря самоотверженной работе Будишевского заработали насосы. Облегченно вздохнул машинист, дело шло на улучшение. Корабль продолжал идти вперед, Будишевский это чувствовал по ровному ритмичному шуму машин.

— Значит, все в порядке, значит, будем жить, будем бить врага.

Прошло несколько минут, и в котельном отделении вспыхнул свет. Иван Будишевский адски устал: все тело ныло, мутилось в глазах, но он продолжал свое дело.

Его сменили, когда корабль вернулся в базу.

Маневр

Торпедоносец пронесся над палубой и с ревом взмыл ввысь. Торпеда, слегка кувыркаясь, приближалась к эсминцу.

Секунды должны решить судьбу корабля и сотен людей. Не успеют сменить курс — эсминец погибнет.

Корабль идет вперед средним ходом. Командир корабля капитан 3 ранга Голлевский перевел рукоятку телеграфа на «самый полный назад». В посту энергетики наблюдали за указателями телеграфов и тахометров командир БЧ-V Видуэцкий, командир электрогруппы Иерж и командир котельной группы Белов. Все они поднялись с мест. «Самый полный назад» — это значит: возьми все от котлов и от машин.

Стрелка форсуночного телеграфа прыгнула до цифры «9». Эта команда относилась к котельным машинистам. Она означала — немедленно перейти с трех форсунок на девять.

Машинист Матвеев подумал: «Что-то там наверху... Наверно фриц пикирует, а может быть, торпеда. Эх, хоть бы одним глазком взглянуть!..»

Но эти мысли были где-то в глубине сознания, а руки уже делали то, что надо делать в этот напряженный момент. Мгновенно увеличивается число оборотов турбовентиляторов. Подключают форсунки. Увеличивают приток мазута. Открывают воздушные регистры. Возрастает давление на турбонефтяном насосе.

Люди не мечутся: ни одного лишнего движения. Пот заливает их лица и слепит глаза.

Наконец-то котельные машинисты дали пар.

Сидоров и Пазушан вращают штурвалы. «Самый полный назад».

Черная торпеда продолжает свой путь. Вот она сейчас коснется корабля, и тогда...

Вдруг эсминец встряхнуло. Он как бы увидел перед собой смерть и остановился. Всех, кто был на верхней палубе, силой инерции толкнуло вперед.

Торпеда пронеслась у носа корабля.

Когда бурунчик ушел от эсминца, капитан 3 ранга Георгий Голлевский посмотрел на циферблат часов.

Маневр не взял ни секунды больше положенного.

Затрещал телефон. Звонили снизу.

— Молодцы, браво! — ответили им с мостика.

Машинисты Краснознаменного тральщика

После многодневной боевой операции в ледовом районе Краснознаменный тральщик 32 пришел в базу. Точно воин, вернувшийся с поля брани, он носил на себе следы нелегкой борьбы с суровой арктической стихией. На его корпусе, и без того износившемся, то там, то сям видны были вмятины, царапины, местами облезла краска.

Постояв в базе ровно столько, сколько потребовалось для того, чтобы пополниться необходимыми запасами продуктов и горючего, тральщик вышел на выполнение нового боевого задания.

И вот теперь, совершив тяжелый двухсуточный поход в условиях восьмибального шторма, краснознамённый «труженик моря» стал на швартовы у стенки.

В ушах стоит монотонный и гулкий ритм механизмов, характерный шум бьющихся о борт волн.

Но на утомленных, до неузнаваемости запачканных лицах машинистов просвечивает радость.

— Какая благодать!... — тихо произносит старший машинист Николай Панкратов, и его серые глаза загораются огнем внутреннего удовлетворения.

Этот худощавый юркий краснофлотец больше всех не-

пытывает чувство радости от удачно выполненной операции.

Кому-кому, а ему в этом походе досталось немало.

При восьмибальном шторме машина работала неравномерно: ее обороты то сбавлялись, то резко увеличивались.

Чтобы не допустить аварии, старший краснофлотец Панкратов с усиленным вниманием, придирчиво следил за работой механизмов, большую часть времени находился у штормового клапана, регулируя работу машины.

— Адски трудно было, — вспоминает Панкратов, — порой казалось, что не выстоишь до конца...

Вопреки всем трудностям старший машинист Панкратов отлично справился с возложенными на него задачами.

На второй день стоянки в базе в каюту командира пятой боевой части зашел старшина 2 статьи Павел Пименов, среднего роста, с матово-бледным лицом. По обыкновению серьезный и сосредоточенный, он обратился к командиру не то с вопросом, не то с предложением:

— Товарищ старший техник-лейтенант, завтра можно будет заняться генеральной приборкой в машине. Воспользуемся стоянкой.

Инициатива старшины была как нельзя кстати. После операции во льдах, после штормового похода навести порядок в машине было крайне необходимо.

— Добро, добро, — поддержал старшину командир электромеханической части Матвеев. — Я договорюсь с помощником, чтобы завтра наших никуда не брали.

После утреннего чая отделение машинистов сразу же приступило к наведению порядка в «своем доме». Павел Пименов, присев на корточки, старательнейшим образом «драит» поручни трапа. Усердно чистит медяшки специальной пастой, сделанной из цемента и керосина, старший краснофлотец Николай Панкратов.

— Ну, как, старшина, блестит? — кричит он, показывая на машинный телеграф.

Командир отделения на некоторое время отрывается от своего занятия, пристальным, знающим взглядом смотрит на сверкающую медянику и с похвалой оценивает труд краснофлотца:

— Хорошо блестит, — комар носу не подточит!

У электрощита энергично работает старший краснофлотец Владимир Иванов.

В другом углу машинного отделения, засучив рукава голландки, старший краснофлотец Николай Стародубов красит циркуляционный насос. Тут же с озабоченным лицом следит за работой балластной донки трюмный машинист краснофлотец Яков Егоров. Он только что присоединил спиральный шланг к приемной коробке и начал откачивать воду из льял, которая попала туда во время шторма.

Кроме воды, в льялы попал через крантон шлак и другой мусор. Сейчас его выбирают лопатами краснофлотцы Василий и Арсений Третьяковы.

Машинисты работают споро, с большим воодушевлением.

Любовь к труду и своей специальности воспитал у них командир отделения старшина Павел Пименов. Более чем за двенадцатилетнюю службу на море, после окончания техникума, он в совершенстве изучил свое дело, накопил значительный опыт эксплоатации механизмов. Своими знаниями он щедро делится с подчиненными. А подчиненные его — грамотные, культурные моряки, любящие море и корабль.

В походах многое зависит от машинистов, от того, какой ход они обеспечат кораблю. К чести машинистов их Краснознаменный тральщик при совместном плавании с другими кораблями никогда не отставал.

Здесь не без гордости говорят о том, что ни один машинист за время войны не допустил оплошности. На тральщике не было списания, поломки или какой-либо другой аварии механизмов, хотя он наплавал около 60 тысяч миль.

Вклад машинистов Краснознаменного ТЩ-32 в дело победы над фашистскими разбойниками отмечен правительством. У пяти человек из восьми сверкают на груди— орден Красной Звезды и медаль «За отвагу».

Когда в проливе лед

Резкий норд-ост сковал льдом Керченский пролив у косы Тузлы. Здесь находились два катерных тральщика, приданные в помощь букспру. Тральщикам приходилось, ломая лед, пробивать себе путь. Вдруг на катере, управляемом старшиной 1 статьи Горбенко, стал перегреваться мотор: забортная вода не поступала на охлаждение. Командир отделения мотористов Николай Новиков быстро определил причину неисправности: кингстон всасывающей помпы был забит льдом.

Не было случая в боевой практике Новикова, чтобы из-за плохой работы мотора катер не выполнил задания. А Новикову не раз приходилось бывать на своем катере в трудных условиях и под Мысхако, и у Эльтигена, и в Камыш-Буруне во время высадки десантов. Всегда механизмы катера действовали безотказно. Недаром старшина носит два боевых ордена!

Относился Новиков к мотору, как к лучшему другу. В этом было что-то очень трогательное. Возвращаясь с боевого траления, старшина не уходил на отдых, прежде чем не осмотрит двигатель. Во время больших холодов Николай Новиков, накрываясь ночью легким одеялом, обязательно укутывал потеплее полушубком и ватником мотор, чтобы тот не остыл. Сколько огорчения испытал старшина, когда прошлым летом, вернувшись на тральщик после небольшой отлучки, увидел свой двигатель выведенным из строя! Остававшийся за Новикова моторист «сжег» мотор во время траления. Катер бездействовал. Выход был один: установить другой, запасный двигатель. Но он также нуждался в большом ремонте, производить который мастерские считали невозможным. Новиков вместе с Горбен-

ко сами взялись за ремонт. Недостающие детали частично были подобраны в утиле, частично сделаны моряками заново. И вот, буквально из старья, Новиков и Горбенко собрали отличный мотор. При их помощи катерный тральщик стал самым быстроходным в подразделении и вскоре сделался флагманским.

Во льдах под Тузлой, когда перестала работать помпа, экипаж катера был немало изумлен первыми действиями Новикова. Старшина катера сбросил с себя ватник, фланелевку, тельник. Оставшись до пояса раздетым, Новиков приказал краснофлотцам держать себя за ноги. Старшина лег на заиндевевшую палубу, а затем опустился за борт. Голова и туловище Новикова оказались в воде. Энергично разгребая руками лед, он вскоре прочистил кингстон. Помпа начала действовать. Тральщик, ломая ледяной покров, вновь пробивал себе путь к цели.

Вода в кубрике

Сменившись с вахты, старшина группы мотористов Иван Петухов прилег отдохнуть. Но не успел он сомкнуть глаз, как услышал чей-то тревожный голос:

— В носовом кубрике вода!

Как по тревоге, вскочил Петухов с койки и бросился в машинное отделение, чтобы пустить водоотливные средства.

На походе из носового кубрика краснофлотцы выселились, так как входить и выходить из него в шторм было невозможно. Затопление кубрика грозило опасностью всему катеру.

На вахте у машины стоял старший краснофлотец Мошков. Он получил распоряжение и быстро пустил трюмно-пожарный насос. Но этого оказалось недостаточно. Вода продолжала прибывать и поднялась на полтора-два метра. Катер получил большой диферент на нос и стал зарываться в воду.

— Поднести ручную помпу, начать откачку вручную! —

приказал старшина машинной группы мотористам Иванову и Субботину.

Весь экипаж был поднят на борьбу с опасностью. Мотористы поставили ручную помпу и начали откачивать воду. Некоторые взялись за ведра.

— Вынести вещи из кубрика!—распорядился старшина.

Мотористы Иванов и Субботин бросились в затопленный кубрик. Они спустились по горло в воду и начали ловить и вытаскивать вещи. Десятки раз они ныряли в ледяную воду, чтобы достать вещи, проверить клапан, не пропускает ли он, вычистить помпу, которая то и дело засорялась.

В три часа ночи кубрик был осушен и плотно задраен. Катер продолжал итти своим курсом. Двенадцать часов боролись моряки со стихией и отстояли свой корабль.

Случай с мотором

Не только выносливость, стойкость нужны для того, чтобы победить стихию, но и матросская смекалка. Несколько лет плавал Иван Петухов на подводной лодке командиром отделения мотористов, испытал много неожиданностей, но такой, какая случилась на катере, еще не встречал.

Петухов стоял на вахте в машинном отделении и наблюдал за приборами, прислушался к шуму мотора. Мотор стал сбавлять обороты, глохнуть. Температура поднялась выше предела. Помпа перестала подавать воду.

Петухов быстро доложил командиру и застопорил мотор.

«Что же произошло? Помпа отказала или, может быть, попал воздух?» — думал он. Догадка его оправдалась. Когда он стравил воздух и пустил машину на холостой ход, давление забортной воды снова поднялось. Мотор начал работать нормально.

Вскоре выяснилась причина аварии. Катер клало с борта на борт так сильно, что кингстоны забортной воды,

расположенные у самого киля, оголялись и в них засасывался воздух, а потом образовывалась воздушная подушка.

Это было разгадано и объяснено всем мотористам. Вахтенные стали успешно обеспечивать бесперебойную работу механизмов.

«Щиток системы Панова»

Вода заливала катер так, что просачивалась во все внутренние помещения. Водой залило распределительный щиток, это вызвало замыкание. Провода загорелись.

Электрик старшина 2 статьи Панов быстро отсоединил провода от щитка. Отремонтировать щиток в такой обстановке не было никакой возможности, а между тем прерывать подачу тока было нельзя. Панов разложил провода на кусок резины, сел, положил перед собой схему соединения проводов и стал давать питание туда, куда требовалось: в радиорубку, на камбуз, для освещения катера.

Двое суток при большой качке электрик Панов бесперебойно обеспечивал катер питанием со своего «щитка», который на катере стали в шутку называть «щиток системы Панова».

Смелые моряки

Вокруг борта корабля был обведен пеньковый трос-брага, который предназначался на случай буксировки катера. Во время длительного шторма трос перетерся и лопнул. Длинный конец болтался за кормой и мог намотаться на винт.

Сигнальщики заметили это и доложили командиру. Чтобы достать конец, требовались смельчаки.

Командир вызвал к себе Панова и Дружкова и сказал:

— Волна большая, на палубе ходить трудно, может волной смахнуть, но трос нужно достать. Сможете?

— Можем! — твердо сказал Панов.

Они вышли на полубак и ухватились за леерные стойки. Панов стал доставать конец. Катер положило на борт. Ловким рывком Панов схватил плавающий трос, но в то же мгновение волна с другого борта ударила смельчака и выкинула его за борт. Панов повис, крепко держась обеими руками за стойку леера. Казалось, волны сейчас его поглотят. Но тут налетела новая волна, положила катер на другой борт и забросила Панова вместе с тросом на палубу. Сила и матросская хватка помогли Панову выполнить задание командира.

Главное — найти причину

Старшина группы мотористов Петр Григорович уже несколько дней подряд жил беспокойной жизнью. Спускался он в кубрик в промасленном ватнике и, жалуясь на спешную работу, садился за стол, не раздеваясь, наспех обедал и снова уходил в машинное отделение. У него не ладилось что-то с механизмами. Как утверждал сам Григорович, они по недосмотру приняли плохое масло, смешанное с какой-то грязью, и поэтому приходилось часто чистить масляные фильтры. На походе почти через каждый час стопорили то один, то другой двигатель, снимали фильтры и промывали их. Поход продолжался уже не одни сутки, и мотористы выбивались из сил. Сам Григорович не спал по целым суткам, ходил, тяжело вздыхая, проклинал злополучное масло и кладовщиков. Глядя на его худую и высокую фигуру, на его усталый вид, на воспаленные от бессонницы глаза, нельзя было не сочувствовать старшине.

— Это не дело, товарищ Григорович, — сказал ему командир, когда старшина снова поднялся на мостик, чтобы спросить разрешение на чистку очередных фильтров, — потребуется мне сейчас полный ход дать, а вы не в состоянии. Надо что-то предпринимать.

— И рад бы, да не могу, — сказал Григорович, раз-

водя руками. Видите сами, что и нам это проклятое масло не дает отдохнуть.

Через час Григорович снова поднялся на мостик, весь в масле с головы до ног. Как будто кто нарочно окунул его в масляный бак.

— Видите, — проговорил он, — чего это стоило.

Потом он вытащил из кармана промасленный узелок, развернул его на ладони, протянул командиру.

— Видите?

— Что это такое?

— Грязь из фильтров. И так каждый раз.

— Нужно сменить масло.

Все были убеждены, что масло было таким принято со склада. Григорович упирал на это, хотя знал, что масло принимали через сетки. Кроме того, в масле оказалась вода, от которой портились внутренние стенки цилиндров. Присутствие воды Григорович объяснял все тем же плохим качеством масла.

Когда корабль пришел в базу, мотористы сменили масло. Сам Григорович следил за приемкой, не отходя от горловин, проверял каждую бочку.

— Теперь все будет в порядке, — сказал он командиру, когда масло было принято,

Однако как только корабль вышел в море, худощавая и высокая фигура Григоровича снова появилась на мостике.

— Снова вода в масле, товарищ, лейтенант, — доложил он командиру.

— В чем же дело? Откуда она поступает?

— Не знаю... наверно, опять в масле, — неуверенно промолвил старшина.

— В масле ли? — усомнился командир.

И снова после похода мотористы перекачивали масло, целыми сутками не вылезали из машин: вскрывали горловины, снимали крышки с двигателей, очищали их.

Однако у мотористов появилась мысль, что не в масле

тут дело. Догадывался и Петр Григорович, но не хотел признаваться в своей ошибке.

Он приказал подчиненным проверить холодильник, через который проходит перегретое масло. Наверно, тут неисправность, — подумал Григорович. Это же предположение высказал и командир отделения старшина 2 статьи Онучин.

Когда проверили холодильник, оказалось, что именно он пропускал воду в масло. Не было также в масле никакого сора, сгустки образовывались в результате соединения масла с водой. Это было следствие реакции, которой не мог понять Григорович раньше.

— Зря мы столько затратили труда и времени, не додумались раньше проверить холодильник, — сказал Онучин.

Григорович и сам в душе каялся в своей ошибке, но не хотел признать ее.

Но моряки уже знали истинную причину от Онучина. Командир же вызвал Григоровича и сказал:

— Что ты обманываешь всех? Скажи уж лучше, что ты прошляпил. Нечего вину на масло сваливать.

— Верил, что все в порядке с машинами, а оказалось нет, — признался Григорович.

После того, как было исправлено повреждение в холодильнике, Григорович не приходил уже с жалобами. Механизмы работали нормально. Ошибка многому научила старшину группы мотористов Петра Григоровича. И всякий раз, когда нужно делать что-либо: принимать ли масло или менять пружины, Григорович кропотливо и настойчиво ищет причину, вызвавшую неисправность. Старшина группы понял, что главное — найти причину неисправности.

Однажды Григорович заметил, что кочегар краснофлотец Петров во всю мощь «шурует» — форсунки пышут огнем, а пар не поднимается, и манометр попрежнему продолжает показывать низкое давление.

— Ты сначала узнай, в чем дело, найди причину. А то,

4*

я вижу, ты занимаешься напрасным трудом, — заметил Петрову Григорович.

Петров потушил топку, проверил все клапаны и обнаружил, что один из них, идущий за борт, приоткрыт, когда он должен быть плотно закрытым. Пар травился за борт, а Петров, недоумевая, в чем дело, форсировал горение.

— Проверь, проверь еще раз, — говорит обычно Григорович, когда кто-нибудь из молодых специалистов докладывает ему, что в его заведывании все в порядке.

Случай в походе

Горизонт чист. Солнце серебрит широкую грудь океана. Но вот потянул свежий ветерок, нагоняя барашки, покрывая море сединой пены.

Командир на мостике. Он смотрит вокруг, готовый встретить во всеоружии любую опасность. Был же случай, когда подводная лодка противника пыталась нас торпедировать. Смелыми и решительными действиями командир спас наш корабль. Громко стучат дизеля, лодка большим ходом уходит из опасного района. И вот в эту критическую минуту лопнул один из цилиндров двигателя. Каждая упущенная секунда увеличивала размер аварии.

Дизель застопорили. Нужно было немедленно устранить поломку. Работа была трудная и усложнялась еще тем, что опасность быть вновь атакованными противником не миновала.

Мотористы под руководством главного старшины Лосева и старшины 2 статьи Капелькина принялись за дело.

Трое суток не спал командир. Не отдыхая, трудились мотористы и приданные им краснофлотцы других специальностей.

Море, как назло, все больше и больше раскачивало лодку. Тяжелые части разобранного двигателя ходуном ходили по палубе тесного отсека. От усталости и бессонницы слипались воспаленные глаза, но мотористы снова

и снова забирались во внутренности дизеля. В отсеке не умолкал перестук ключей. Наконец, дизель пустили на пробу. Он легко и ритмично начал выбивать знакомую мелодию. Для команды это была самая приятная и радостная музыка.

Завихрилась вода за кормой, лодка полным ходом шла вперед.

Стрелка идет вверх

Когда эсминец «Н» находился в боевом походе, командир котельного отделения орденоносец старшина 1 статьи Яков Васильев стоял на вахте у раскаленных котлов.

Глаза старшины были прикованы к черной колеблющейся стрелке манометра, который показывал давление мазута. Колебания стрелки становились все тише и тише, стрелка, отклонившись назад, уже не возвращалась в свое нормальное положение.

Васильев бросился к насосу, прислушался к прерывистому дыханию поршней... Конечно, вся причина в насосе. Он повернул клапан паровой магистрали, чтобы прибавить пару, потом подкачал воздух в воздушный колпак. К тяжелым вздохам поршня прибавился новый хлюпающий звук.

В это время с мостика передали в кочегарку:

— В котельном! Из трубы дым валит во-всю!

Васильев с досадой посмотрел на хлюпающий насос. «Придется выключить», — подумал он и, нагнувшись к переговорной трубе, передал командиру боевой части:

— Нефтяной насос отказал в работе!

— Запустить резервный!

Корабль шел малым ходом — так нужно было. Но могло случиться, что командир потребует от людей пятой боевой части дать самый полный ход. Мысль об этом не выходила из головы коммуниста Якова Васильева, и у него возник смелый план: разобрать и отремонтировать насос прямо на походе.

Яков Васильев сообщил о своем плане командиру пятой боевой части инженер-капитан-лейтенанту Ханину, и тот, подумав немного, сказал кратко:

— Добро!

Не теряя ни минуты, Васильев опустился в котельное отделение.

Когда крышка цилиндра была вскрыта, ему все стало ясно. Смоченные поршневые кольца пропускали пар. Поставив новые кольца, он попутно также осмотрел и проверил коробку клапанов и заменил поломанные детали.

Через четыре часа Васильев уже заканчивал переборку насоса. При опробовании он с волнением следил, как медленно ползла вверх стрелка манометра, показывая возрастающую силу давления горючего. Наконец, она достигла предела и остановилась. Насос продолжал гнать горючее все с тем же высоким напором. Ремонт удался блестяще. За четыре часа на походе была выполнена работа, на которую на берегу затрачивалось более суток.

Командир пятой боевой части крепко пожал руку старшине I статьи Васильеву.

— Молодец!

Васильев смотрел на командира даже несколько удивленно.

— На то я и отвечаю за всю котельную!.. — только и мог сказать он в ответ.

Мотористы катера-охотника в борьбе за живучесть своего корабля

Перед катером-охотником была поставлена задача: снять с вражеского берега группу наших разведчиков.

К вечеру, когда катеру надо было выходить в операцию, погода стала ухудшаться — барометр падал, а порывистый ветер все усиливался.

Ввиду сложности обстановки командиру катера раз-

решалось действовать самостоятельно. Однако ни у кого не было и мысли о возвращении. Только вперед, туда, где ждут боевые друзья — разведчики морской пехоты!

В течение двух часов катер летел сквозь ветер и волны. Казалось, нет вокруг ни земли, ни неба, а есть только грохочущая водяная бездна. Но вот впереди показалась темная громада скалистого берега. Командир перевел ручки машинного телеграфа на «малый». С приглушенными моторами катер стал приближаться к берегу. В это время сильный удар потряс его корпус.

Налетевшая волна подхватила небольшой катер и высоко занесла корму так, что обнажились винты. Моторы резко загудели, и этот звук заставил насторожиться моториста Водополова, несшего вахту. Он понял, что произошло что-то неладное, и выключил муфту сцепления. Это было сделано во-время: моторам, моментально потерявшим нагрузку, угрожала опасность. В следующее мгновение машинный телеграф показал:

«Полный назад»!

Снова загудели получившие нагрузку моторы, и катер медленно стал отходить назад. Непосредственная опасность миновала. Штормовая погода и отсутствие видимости помогли катеру пройти незамеченным под самым вражеским берегом.

Затем на мостик стали поступать донесения:

— Прогнуты бортовые валы!

— Вылетели сальники дейдвудных труб, через которые поступает вода!

Вот здесь и пришлось краснофлотцам пятой боевой части показать свое воинское мастерство.

Моторист Федоров, выключив свой мотор, быстро проверил его состояние. Подача горючего и монтаж оказались в порядке. Он попробовал рычаг реверсивной муфты.

— Сцепление есть! — доложил он старшине группы мотористов Синеву.

Но тут случилась новая задержка: стали сильно нагре-

ваться моторы. Оказалось, что оголились кингстоны и в помпу попал воздух. Федоров отвинтил пробку и выпустил воздух из магистрали охлаждения. Помпа заработала нормально. Вода для охлаждения стала поступать на радиаторы и коллекторы. Опасность их перегрева сразу была устранена.

Вода через дейдвуды продолжала проникать в трюм. Мотористы Федоров и Водополов нащупали в ледяной воде отверстия дейдвудных труб и стали набивать сальники. Это удалось не сразу. Вода хлестала через дейдвуды с большим напором, заполняя трюм. Моторист Коломецков получил приказание завести вспомогательный двигатель и приступить к откачке воды. Вода уже подходила к карбюраторам моторов и угрожала серьезными последствиями. Но Коломецков быстро справился с порученным делом.

Прошло несколько минут, и сальники дейдвудов были набиты. Старшина группы мотористов Синев приказал Коломецкову:

— Заводи!

Снова загудели могучие моторы. Катер пошел своим ходом туда, где на вражеском берегу ждали его разведчики.

Наступал рассвет. С приглушенными моторами катер проходил вдоль вражеского берега, отыскивая своих людей. И катерники нашли их! Слабый огонек сигнального фонаря замелькал в ответ на наши позывные.

Боцман Овчинников, краснофлотцы Заикин и Попов спустили трап на берег и удерживали его, пока разведчики по одному переходили на катер.

Наконец, все на борту. Катер разворачивается и идет к родным берегам. Люди пятой боевой части особенно довольны. Они сделали все для того, чтобы катер до конца выполнил боевое задание. В славные дела морских пехотинцев, оставивших на берегу не один десяток немецких трупов, вложена и их доля тяжелого моряцкого труда.

В машинном отделении миноносца

В то время, когда сигнальщики на мостике не отрывают глаз от моря и воздуха, докладывая о появлении врага, когда комендоры замирают у орудий, ожидая команды «огонь», — в машинных и котельных отделениях идет такая же напряженная боевая работа.

Люди БЧ-V — котельные машинисты, машинисты-турбинисты, электрики — несут вахту у сложнейших механизмов и агрегатов, заключающих в себе всю огромную мощь боевого корабля.

...Краснофлотец Наумов стоял на вахте. Неожиданно он обнаружил, что в форсунки вместе с горючим поступает пар. Он доложил об этом старшему по вахте Сбитневу. Проверка показала, что пар мог попадать в горючее только при подогреве.

— Разобрать подогреватель! — последовал приказ.

Обычно это проделывалось лишь в заводских условиях. Но главстаршина Бедрань, старшина 2 статьи Коротков и краснофлотец Синицын смело взялись за разборку подогревателя, и через несколько часов неисправность была ликвидирована. Бдительность краснофлотцев Наумова и Сбитнева предотвратила серьезную аварию. Корабль продолжал итти заданной скоростью.

Внизу в машинном отделении, как всегда, много работы. На привычной высокой ноте ровно гудели турбины. Старшина вахты коммунист Шарков время от времени прикладывал к уху стальной стержень, стараясь прослушать биение сердца корабля.

Звук удара нарушил ровное гудение. У одной из машин вышибло масленку. Фонтан масла взметнулся вверх. Старшина 2 статьи Марунин в одно мгновение был у машины. Облитый маслом с головы до ног, он через минуту рапортовал:

— Масленка заглушена. Все в порядке!

И опять высокое гуденье турбин сливается с низким

баском вентиляторов, и глаза вахтенных машинистов неотступно прикованы к стрелкам приборов.

На третий день похода в одном из котлов лопнула трубка. Котел был выключен. Но на походе некогда ждать, когда он остынет. Командир отделения комсомолец Карбушев надел асбестовый костюм и полез в раскаленную топку. Он разыскал лопнувшую трубку среди тысяч других, на нее похожих, и заглушил ее. Через два часа котел вошел в действие, а Карбушев продолжал нести свою вахту.

Шесть лет на линкоре «Севастополь»

(Рассказ котельного машиниста краснофлотца И. Суханова)

Еще с детства я мечтал о флоте. Увижу, бывало, моряка — и глаз с него не свожу: до того нравилась мне морская форма...

Пришла юность. Наступил год призыва. И вот я на призывной комиссии. За столом — представители от разных родов войск, и среди них — один морской командир. Осмотрели меня врачи, и слышу я заключение:

— Здоров, но очень сухощав; пожалуй, подойдет для службы в пехоте.

Командир с авиационным значком на рукаве возразил:

— Он пойдет в авиацию. Не правда ли, товарищ Суханов?

Моряк, который до сих пор молчал, встал и сказал по-украински:

— Вин пидэ до нас. А що вин сухощавы — то не беда: на корабельных харчах потовстее.

С нетерпением ждал я за дверью решения комиссии. И когда меня снова вызвали и сказали «призван во флот», я долго не мог скрыть своей радости.

Через несколько дней поезд мчал меня на юг. И в стуке вагонных колес все мне слышалось то, о чем я ду-

мал, — будто колеса на стыках рельсов выговаривали: «Ты во флоте, ты во флоте».

После пятидневного пути прибыли мы в Севастопольский флотский экипаж. Старшина повел нас в баню. Вымылись как следует, выдали нам свежее белье, рабочее обмундирование: яловые ботинки, рабочее платье, бескозырки без ленточек. С непривычки военная одежда показалась очень жесткой, роба шуршала и топорщилась, ботинки сильно скрипели.

С первого дня началась жизнь по расписанию. Боцман был у нас очень строгий. Ни малейшего отклонения от устава он не допускал. Особенно требователен он был к тем, кто с холодком относился к службе. Таких он заставлял переделывать одно и то же дело по нескольку раз, пока не убеждался, что все исполнено отменно. Его наставления нам пошли впрок, и даже самые нерадивые (их было у нас мало) вскоре осознали свои обязанности и стали стараться изо всех сил.

Помню, как боцман следил самым внимательным образом не только за исполнительностью и опрятностью молодых краснофлотцев, но и за их речью. Даже в частных беседах он поправлял меня, если я говорил не по-морскому. И всегда, бывало, повторял фразу: «А то придешь на корабль неучем, всякое уважение потеряешь».

Так за короткое время мы прошли строевую подготовку, освоились с флотским бытом, изучили уставы и наставления.

Никогда не забуду дня, когда приняли присягу. На бескозырках у всех засверкали золотые надписи. Глянул я на себя в зеркало и подумал: «Теперь и я на моряка похож».

Вскоре нас расписали по кораблям. Я попал на линейный корабль «Севастополь». Пришел я на корабль вечером, когда уже смеркалось, и сразу не мог его рассмотреть. Утром вышел на бак и увидел орудийные стволы в добрых два обхвата, броневые башни, огром-

ные клюзы и необычайно толстую якорь-цепь. Спросив разрешения, взобрался на марс. Глянул оттуда вниз — и голова закружилась.

Так началось мое знакомство с кораблем. Личный состав линейного корабля встретил нас приветливо. Среди краснофлотцев я встретил своего друга Васю Безроднова, который работал до призыва со мной на одном заводе. Безроднов показал мне свой боевой пост, бак, ют, камбуз. Потом мы пошли в котельное отделение, где предстояло мне нести вахту. Вокруг меня было столько трубок, клапанов, разных указательных приборов, что я сразу никак не мог их запомнить.

Не все было у меня вначале ладно. Однажды после побудки свернул, как положено, койку и положил ее в грибок на левом борту. Вечером стал искать постель и не найду. Сказал об этом старшине. «Найти и доложить» — ответил старшина, а сам улыбается. Долго я шарил, пока не догадался, в чем дело. Оказывается, корабль развернулся носом в другую сторону, и я искал койку вместо левого на правом борту. После этого запоминал устройство корабля.

Интересовала меня и история линейного корабля. От старожилов корабля я узнал, что он построен на нашем отечественном заводе и на Черное море пришел с Балтики, оставив за кормою Атлантический океан и восемь морей: Балтийское, Северное, Средиземное, Тирренское, Ионическое, Эгейское, Мраморное и Черное. Рассказывали мне потом, как в Италии гостил на этом линейном корабле Алексей Максимович Горький. Об этом эпизоде старые моряки рассказывали молодым, как о самом дорогом предании.

Корабельный порядок приучил меня к еще большей аккуратности и подтянутости. Быстро я сжился с людьми по кубрику. Труднее было в короткое время постичь все «тайны» машины. Но мне во многом помогли старшие товарищи. Я никогда не считал зазорным лишний раз переспросить, что непонятно. Здорово пришлось по-

работать на переборке больших клапанов паровой магистрали. Труд пошел мне в пользу: при переборке я освоил устройство клапанов. Учили меня больше на практике. Однажды командир отделения поручил мне и еще одному молодому краснофлотцу забраться в коридор паровых труб и набить сальники. Едва мы открыли горловину, как нас обдало нестерпимым жаром. Тогда мы решили включить вентиляцию. Но мотор оказался разобранным. Как быть? Нельзя же не выполнить поручение. Подумали и нашли способ. Взяли с собой ведро холодной воды, повязали мокрыми полотенцами головы и полезли в пышущий жаром коридор. Долго пробыть там не удавалось: можно было задохнуться. Мы лазили по очереди, часто сменяя друг друга, пока не выполнили задания.

Постепенно я втянулся в походную жизнь и крепко полюбил свою специальность. Сначала шуровал в топках под присмотром старших специалистов, а потом заступил и на самостоятельную вахту. Линкор водил эскадру на боевые учения, возглавлял большие плавания и маневры. На артиллерийских стрельбах мы всегда завоевывали первенство. Это радовало каждого краснофлотца и командира.

В разгаре счастливого крымского лета 1941 г. грянула война. Наш линейный корабль отправился в боевой поход. Орудия линейного корабля обрушивали огонь по скоплениям фашистских войск под Севастополем, в районе Байдар и Феодосии. Боевой флагман поддерживал высадку крупных десантов. Нам, котельным машинистам, ничего не видно, что делается наверху. Во время боя так и хотелось подняться на батарейную палубу, узнать результаты боя. Но в такие минуты нижняя вахта напрягала все свое внимание на уходе за механизмами. И благодаря этому у нас за войну не было ни одного скисания механизмов в походе. Сменившись с вахты, мы узнавали, что на месте обстрела остались тысячи немецких трупов и масса обломков танков и орудий.

В последние дни осады мы вывозили из Севастополя раненых бойцов и командиров, носили их на палубу корабля, размещали по кубрикам. Каждый уступал свое место раненому и, сменившись с вахты, ухаживал за ним. Жизни боевых друзей были спасены.

Опасности, изнурительные двенадцатичасовые вахты, все, что мы пережили, сроднило нас в единую семью. Все мы гордимся нашим боевым кораблем «Севастополь».

Мы оказались крепкими

(Рассказ моториста)

По специальности я моторист, но благодаря тому, что на нашем катере все учились заменять товарища в бою, я могу действовать и как установщик прицела орудия.

В тот день, когда фашистское зверье напало на нашу Родину, наш катер стоял на Дунае.

... На часах — 6.55. По приказу механика просмотрены моторы. Контакт. Моторы работают. И вот — команда: «Моторист Страхов, к орудию!»

— Есть к орудию!

— Орудие № 1... Фугасным... Прицел 3, целик 4!

— Есть прицел 3, целик 4, — отвечаю я.

— По румынским пикетам — огонь!

Пикеты были рассеяны. По приказанию командира я вернулся на свой боевой пост к моторам.

Шли горячие дни. По 15—20 самолетов заходили с разных сторон на наш охотник, чтобы уничтожить его. Но наш экипаж всегда выходил победителем.

А между горячими боями мы часто собирались на палубе. Краснофлотец Максимов выходит с баяном, я танцую «яблочко». Личный состав доволен и чувствует себя бодро, готовясь к выполнению нового боевого задания...

Подходим к порту. Боевая тревога. Вражеские бомбардировщики идут на транспорт.

Знакомый свист бомб: взрыв. Огонь и вода — вот что я запомнил. Оторванный иллюминатор сбил меня с ног.

Моторы вышли из строя, а нужно дать ход, чтобы катер мог маневрировать. И я ввел свой мотор в строй, забивая пробоины чопами, стараясь молниеносно устранить неисправности. Свист бомб, взрывы, грохот... И что же слышнее всего в этом грохоте? Боевая команда. Я говорю: «Правый мотор в исправности, разрешите завести».

— Заводите.

Я запускаю верный мотор — и катер получает ход!

Ни на минуту не отлучался я от своего боевого поста, выполняя приказания командира.

Командир спросил:

— Ну, как... дойдем на одном моторе?

— Дойдем, говорю, товарищ старший лейтенант Сивенко! На то мы и моряки, чтобы невозможное делать возможным.

А вода уже поступала в четвертый отсек, и ветер крепчал. Но мы оказались крепче: дошли в базу.

Боевая необходимость

Механик и командир катера молча стояли у машины. Левая гребная система требовала основательного ремонта. Итти на выполнение ответственного задания с такой неисправностью нельзя. Но на четверо суток стать на ремонт в такую горячую пору... Нет!

Механик Анатолий Карпов ясно вспомнил подобный же случай во время боев за Керчь. Также нужно было итти в очередной рейс. Неожиданно перед походом обнаружилось, что взрывами вражеских снарядов погнут гребной вал. Механика тогда даже в жар бросило. Ремонт требовал нескольких дней. Нужно было отправить корабль в мастерские одной из баз, поднять на стенку — все это представилось Карпову бесконечным и невозможным. Ведь если бы все было в порядке, катер еще до заката солнца должен был выйти в море. А сорвать

выход — значит выключить одно боевое звено из сложной морской операции.

Как быть?.. Механик молча смотрел на командира катера Михаила Глазунова. И оба прочитали в глазах друг друга твердое решение: сделать все возможное и невозможное, но в море выйти в срок.

В море катер вышел в тот же день! Гребной вал действовал безотказно. Механик со своими машинистами ухитрился выправить его на плаву.

Анатолий Карпов не пропускал ни одного мало-мальски значительного явления в своей боевой практике. Он учитывал все ценное, чему учила его война.

— Мы же имеем опыт, товарищ старший лейтенант,— заговорил он, — можно и без мастерской обойтись. Да и быстрее получится.

— Добро, — согласился Глазунов.

Подошедший кран вздернул катер. Корма корабля повисла в воздухе, а нос глубоко зарылся в воду. Гребная система была на виду.

— Не терять ни минуты! — распоряжался Карпов. Механик и краснофлотцы быстро осмотрели винт, расточили в береговой мастерской втулки — вся работа заняла несколько часов. Катер опять вошел в строй.

— Запомните все, что делали, — сказал механик краснофлотцам, — это вам боевой опыт. Боевая необходимость заставит иной раз и самого чорта за рога взять. На войне всякие переплеты бывают.

Машинисты катера поняли смысл наставлений своего начальника. В открытом море они перебирали моторы, поражая опытных мастеров. Те удивлялись, как много различных неисправностей можно устранить на ходу, без посторонней помощи.

Ремонт «собственными руками» помогал краснофлотцам стать хорошими специалистами. Карпов требовал от них тончайшего знания механизмов. Механик учил понимать свой двигатель по звуку, угадывать его капризы по малейшему перебою в ритме, безукоризненно

соблюдать правила эксплоатации машины, а если потребуют условия боя, выжать из техники все, что можно.

Карпов со своими людьми выдержал боевую проверку при встрече с немцами на море. В вечерних сумерках на подернутой туманной дымкой поверхности моря зоркие глаза наших сигнальщиков заметили четыре немецких торпедных катера. Приглушив моторы, они крались к нашей базе. Старший лейтенант Глазунов решил атаковать их. На стороне немцев было преимущество: их катеров в этом месте оказалось больше. И все-таки командир «охотника» первым ввязался в бой, так как считал это единственно правильным. Боевая дерзость Михаила Глазунова основывалась не только на опытности и бесстрашии. Вера в своих людей порождала уверенность в успехе.

Победа зависела во многом от машинистов. Черная стрелка носилась по циферблатам телеграфов. В машинном командир отделения Василий Баринов еле успевал репетовать исполнение команды. Пригнувшись к рычагам, мокрые от пота, работали краснофлотцы Давиденко и Нижеборец. Механик стоял среди машинистов, готовый притти к любому из них на помощь. В эти напряженные и решающие минуты Анатолий Карпов любовался ловкостью своих людей.

Наверху шел бой. Старшина 1 статьи Константин Сапожников со своими артиллеристами и пулеметчиками не жалели снарядов и пуль. Торпедные катера немцев трусливо уходили на запад. Они огрызались выстрелами пушек и очередями пулеметов. И тогда выручали машинисты, которые не давали врагу пристреляться. Послушные воле командира, люди Карпова то переключали на полный, то резко стопорили машины. Осколки немецких снарядов и пули чмокали за кормой. Схватка «охотника» с торпедными катерами врага длилась всего семь минут. Но для машинистов она показалась бесконечно долгой. Чуть ли не ежесекундно Баринов изменял число

5—Зак. 1706.

оборотов машин. Наконец, фашисты, зачадив море дымовой завесой, удрали.

Через несколько дней катерникам снова пришлось нести вахту в море. Катер лениво раскачивался с застопоренными машинами. На мостике, у орудий, стояли краснофлотцы. Беспредельный водный простор расстилался перед ними. Отполированная мертвая зыбь переливалась бирюзой. Вдруг вахтенные заметили на поверхности моря врага.

В следующую секунду катер преобразился. Задрожав всем корпусом, он ринулся вперед. Это машинисты Карпова вдохнули в него жизнь.

Василий Баринов увидел, как стрелка телеграфа стремительно описала полукруг по циферблату.

— Полный вперед! — крикнул он машинально, хотя никто его не слышал в адском реве моторов.

Но стрелка вновь описала дугу и вновь с разгона ударилась о шкалу с надписью «полный вперед». С мостика настойчиво требовали увеличить скорость. Сверх предела!

«Запорем машины», — мелькнуло в голове Баринова. Он взглянул на механика. Карпов, сосредоточенный, как всегда, наблюдал за движениями машинистов. И Баринов вспомнил фразу: «Боевая необходимость заставит и чорта за рога взять. На войне всякие переплеты бывают».

Василий Баринов поднял руку и подал условный знак Давиденко и Нижеборцу: выжимайте все, что нужно!

Катер с ревом пропахивал мертвую зыбь. Короткая пауза, и вновь старший лейтенант Глазунов потребовал от машинистов сверхпредельной скорости. И она была дана катеру.

Находчивость моториста Хаблова

Осколок пробил борт ниже ватерлинии. Вода хлынула в машинный отсек. Раздумывать некогда. Комсомолец

моторист Хаблов попробовал заткнуть пробоину бушлатом, но вода вытолкнула бушлат обратно. Тогда моторист уперся ногами в машину и закрыл отверстие спиной. Но и это не помогло.

— Спина у меня твердая, плотно дыру не закроешь!— рассказывал потом Хаблов. — Ну, тогда сообразил я, что живот-то без костей, — помягче будет.

Так и сдержал комсомолец Хаблов бешеный напор воды, пока не подоспели на помощь товарищи.

Борьба за живучесть корабля

Вражеский снаряд попал в машинное отделение бронекатера. Начался пожар. Мотор оказался поврежденным. Положение было критическое. Раненый осколком этого же снаряда старшина группы мотористов Дуда организовал заделку пробоины и тушение пожара. Даже упав от потери крови, Дуда продолжал руководить борьбой за спасение корабля. Воодушевленные подвигом своего командира, мотористы устранили повреждение, сбили огонь, и катер, получив ход, продолжал громить гитлеровцев.

Мужество моториста

В тот день, когда на маленький катер, занятый тралением, налетели немецкие пикирующие бомбардировщики, краснофлотец-моторист Корнилов нес вахту в моторном отсеке.

Стараясь одним ударом покончить с катером, «Юнкерсы» атаковали его с разных курсовых углов. Самоотверженно выполняя служебные обязанности, Корнилов думал только об одном — как лучше обеспечить работу механизмов.

В разгаре сражения осколки бомб пробили борт катера, упал тяжело раненый старшина 1 статьи Васильев.

Теперь Корнилов остался у моторов один. Наскоро перевязав раненого товарища, он бросился к

моторам. С мостика то и дело поступали приказания о перемене ходов. Корнилов делал все, чтобы техника не отказала. Он понимал, что сейчас от бесперебойной работы моторов зависел исход сражения, жизнь товарищей.

Моторист Корнилов спас катер. За мужество и высокое знание специальности, проявленные в этом боевом походе, отважный моторист был удостоен ордена Красной Звезды.

Катер ведет комсомолец Потоцкий

Мотобот № 3 под разрывами мин и снарядов ворвался во вражеский порт. Десант быстро высадился на берег и вступил в бой. Над мотоботом свистели пули. Старшина Ляшинский был тяжело ранен, пулеметчик и сигнальщик — убиты. На боте осталась часть раненых десантников. Моторист комсомолец Потоцкий завел мотор, но некому было встать к штурвалу. Потоцкий вышел из моторного отделения, встал у штурвала и управлял мотоботом. Вскоре мотор заглох, на винт намотало трос. Потоцкий разделся, спустился за корму и быстро очистил винт. Снова заработал мотор, и мотобот двинулся к выходу из порта.

Немцы, заметив уходящий мотобот, открыли по нему сильный артиллерийский огонь. Потоцкий, перебегая от машины к штурвалу и обратно, медленно уводил бот из-под огня, спасая раненых и судно. Недалеко от мотобота Потоцкий заметил на воде восемь плавающих раненых бойцов. Он застопорил ход и помог им взобраться на борт.

Два часа Потоцкий один, под обстрелом противника, вел через бухту свой мотобот. Когда вышли из бухты, мотор окончательно заглох. Несколько часов стоял Потоцкий у штурвала, управляя дрейфующим мотоботом, направляя его к своей земле. Как только мотобот прибило к берегу, Потоцкий быстро пришвартовал его, высадил на берег раненых, перевел их в укрытие,

накормил оставшимися на боте консервами и хлебом, а ночью доставил их на пристань, откуда они на второй день были эвакуированы в тыл.

36 часов без смены

В длительном боевом походе на корабле Н. засолилось машинное масло. Старший машинист-турбинист Коннов знал, что это грозит оборжавением всех шеек главного турбозубчатого агрегата и даже выводом его на время из строя. Действия Коннова были продуманы, но они требовали бесспорного риска. Коннов пошел на риск, не задумываясь. Он опустился в масляную цистерну и пробыл там два часа, пока не обнаружил места проникновения воды. Каждую минуту он мог задохнуться, так как цистерна была задраена. 36 часов Коннов бессменно работал у машины, пока не выполнил до конца боевой задачи и не исправил повреждение.

В раскаленном котле

В напряженную минуту боевого похода на корабле Н. в котле произошло повреждение. Установили, что лопнула трубка...

Пока освобождался котел от воды, старший краснофлотец Блинов и краснофлотец Глагольевский приготовились лезть в раскаленный котел.

Проверив повреждение, надев ватники, стеганые штаны, ушанки, а поверх всего — брезентовые комбинезоны, первым Блинов, а за ним Глагольевский протиснулись в горловину котла. Адская жара, обжигающая больше всего лицо, охватила смельчаков. По приказанию командира боевой части в котел подали мощный поток свежего воздуха, но температура внутри раскаленного котла оставалась трудно переносимой.

Между тем корабль продолжал итти в строю, удерживая большой ход, заданный командованием...

Минута за минутой проходили в удушающей жаре,

пока Блинов и Глагольевский заглушили неисправную трубку.

Пот насквозь пропитал ватники и брезентовые костюмы товарищей.

Так прошло 90 минут в раскаленном котле, 90 минут томительного ожидания на мостике.

— Повреждение устранено, — доложили на мостик.

...Как только командиру соединения доложили об устранении повреждения, он тут же объявил Блинову и Глагольевскому о награждении их орденами Красной Звезды.

Моряк спас катер

Во время шторма один из наших катеров был выброшен на мель. Ему грозила гибель. На помощь катеру вышел маленький буксир под командованием Калиниченко. Волны кидали суденышко, как щепку.

Подошли к катеру, терпящему бедствие, но из-за сильного шторма нельзя было подать конец. Тогда моторист буксира Вербицкий с разрешения командира бросился к катеру вплавь. Ледяная вода тысячами игл впилась в тело. Волны относили его обратно.

Шторм крепчал. Катер все больше кренился на борт. Еще несколько минут, и все будет кончено. Казалось, гибель катера неминуема.

Однако окоченевший моряк собрал последние силы, доплыл до катера и подал конец. Катер был спасен.

Они не знали усталости

В одном из боевых походов тральщики проводили через поставленные противником минные поля большой караван судов. От сильного взрыва в трале в наружной обшивке тральщика ослабло несколько заклепок и стала протекать забортная вода. Она попадала в соляр, на котором работали главные машины. Двигатели стали

давать перебои. Чтобы очистить соляр путем перекачки, нужно было остановить двигатели на 5—6 минут, а это означало, что тральщик выйдет из строя и идущие за ним корабли могут подорваться на минах.

Если задержать весь караван, то на это потребуется значительное время, и тогда он не пройдет за ночь путь, простреливаемый вражескими береговыми батареями. С рассветом они смогут в упор расстреливать наши корабли. Командир отделения Романенко решил качать соляр в машины ручным насосом. Это трудная и тяжелая работа, особенно для людей, уставших после вахты. Но другого выхода не было. Мотористы взялись за дело. Сменяясь с вахты у машин, они заменяли товарищей у насоса, а те шли к машинам. Под утро на корабле пошли в атаку торпедные катера противника, но артиллерийским огнем и смелой атакой «морских охотников» они были отогнаны. В то время мотористы, работая у механизмов, продолжали качать топливо. Герои забывали об усталости. Романенко сменял Сидоров, Сидорова — Маров, Марова — опять Романенко. От насоса они шли на вахту к машинам и обеспечивали их безотказную работу.

Настойчивость и упорство побеждали усталость. Корабли утром прибыли к месту назначения. Три ночи не спали трое мотористов. Трое суток они не отдыхали. Но боевая задача была выполнена.

Моторист-минер

Огромное значение в морском деле имеет не просто хорошее знание своего объекта, а умение автоматически, в любых условиях выполнять свои обязанности. Это дается упорной тренировкой. Старший краснофлотец — моторист Петр Григорьевич Крылов, кроме своей специальности, в совершенстве знал минное дело. По боевому расписанию он состоит в минном расчете. Обращение с минами и тралами он изучил так, что

в условиях самой неблагоприятной погоды и ночью наощупь он готовит мины и меняет тралы.

Однажды шторм не давал возможности стоять на палубе. Но корабль получил задание провести минную постановку. Тогда Крылов, переползая от одной мины к другой, подготовил их к постановке и задачу выполнил.

Много раз в штормовые ночи корабль проводил караваны судов. Одна за другой в тралах рвались мины и обрывали трал. Крылов наощупь, в темноте, чтобы не открыть себя противнику светом, менял тралы и обеспечивал операцию. Иногда с головы до ног его обливала холодная осенняя вода. Одежда замерзала и становилась жесткой. Но тралы были всегда быстро сменены и вновь подсекали вражеские мины.

Однажды от взрыва мины в трале недалеко от борта корабля вышел из строя циркуляционный насос. Двигатель работать не мог. Командир собрал личный состав БЧ-V и спросил: «Как быть?» Крылов заявил, что мотористы сделают все возможное и восстановят насос. Вместе с другими мотористами Крылов проработал в машине всю ночь.

Утром командиру доложили, что работа выполнена и двигатель будет работать. Корабль успешно завершил боевое задание.

Краснофлотец Крылов всегда отлично выполняет задания командования и помогает товарищам. Военный Совет наградил его медалью «За боевые заслуги».

У корабельных котлов

Тихо и скрытно подходил корабль к берегам, занятым противником. Котельные машинисты обеспечили бездымность, и враг не заметил нашего приближения.

Только во время боя фашистские прожекторы нащупали корабль. Гитлеровцы открыли артиллерийский

огонь, но корабль искусно маневрировал, и снаряды летели мимо.

Когда засорились форсунки, старшина 2 статьи Найденов, краснофлотцы Ногорянский, Комаричев и Алексеев за несколько секунд заменили их.

Алексеев внимательно следил, чтобы в котлах было достаточно воды, чтобы было нормальное давление, тщательно очищал на форсунках нагар.

Механизмам требовалась усиленная смазка. В машине нехватало света и стояла высокая температура, из лопнувших трубок продувания струился пар, обжигая тело. Но Барсуков и Герасимцев наощупь регулировали смазку и не допускали нагрева трущихся частей машины.

Когда вернулись в базу, сразу же, несмотря на усталость, они взялись за ремонт. К ночи корабль снова был готов к боевому походу.

Восемнадцать часов

Отстояв очередную вахту, старший краснофлотец Никифоров поднялся на верхнюю палубу. Раздался сигнал боевой тревоги. Никифоров быстро спустился в машину и встал на свое место у маневровых клапанов.

Прошло несколько часов. Корабль продолжал итти вперед. Загремел залп, затем второй, третий... Никифоров насторожился. Корабль, маневрируя, отбивал атаки фашистских бомбардировщиков. То справа, то слева рвались бомбы. От Никифорова сейчас много зависело. Забыв об усталости, он самоотверженно выполнял боевые приказы.

Восемнадцать часов длилась тяжелая, изнурительная вахта. Восемнадцать часов машинист Никифоров в пятидесятиградусной жаре стоял на ответственном посту у маневровых клапанов, точно выполняя свои обязанности.

Когда корабль пришел в базу, командир пожал машинисту руку и поблагодарил его.

Аварийная партия заделывает пробоину

При выполнении боевой операции корабль получил пробоину. Вода затопила одно из командных помещений. От сильного давления затрещали переборки.

Аварийная группа во главе с техником-лейтенантом Филемовым дружно взялась за работу.

Завизжала пила, застучала кувалда. Старшина 2 статьи Иевлев, краснофлотец Шабунько и старшина 2 статьи Герасименко заделывали пробоину, устанавливали подпоры, преодолевая возрастающий напор воды. Они, казалось, не замечали того, что шел бой, стреляли орудия, трещали пулеметы, вокруг корабля рвались снаряды и мины.

Вода давила все сильней и сильней. Переборка трещала. Можно было подумать, что вот-вот она рухнет и тогда вода моментально затопит все помещение, а вместе с ним и людей.

Но моряки поставили подпоры, и вода перестала поступать внутрь. Казалось, опасность миновала. Но яростный шторм снова приковал краснофлотцев к борьбе за корабль. С каждым ударом волны становилось яснеей, что подпоры не выдержат, сдадут.

Снова напряженная работа, стук кувалды, шум пилы. И снова предупреждена грозящая опасность.

Корабль благополучно возвратился в базу.

Самоотверженность и отвага

Катер возвратился в базу из боевого похода. Старшина группы мотористов Казанцев в одном из отсеков обнаружил густые пары бензина. Из осколочной пробоины в бензиновом баке бензин струей вытекал наружу. Надо было во что бы то ни стало заделать пробоину, предотвратить взрыв и выход из строя главных двигателей и радиостанции.

Младший командир Казанцев с краснофлотцем Махно

пошли на риск. Они спустились в отсек, насыщенный густыми парами бензина, и начали устранять повреждение. Через 10 минут их вытащили оттуда почти без сознания. Повреждение было исправлено.

Так служат народу

Корабль попал в шторм. Волны сбивали его с курса, заливали палубу. Вышли из строя насосы. Малейшая медлительность в действиях могла привести к тяжелым последствиям.

Моторист Васильев первым бросился устранять повреждения. Несколько часов находился он в холодной воде, обеспечивая бесперебойную работу насосов.

Когда корабль атаковали сорок вражеских самолетов и осколками пробило подводную часть корпуса, Васильев быстро заделал пробоины, устранил повреждения и обеспечил нормальную работу механизмов, чем и содействовал благополучному возвращению корабля в свою базу.

Однажды на корабле вспыхнул пожар. Васильев со шлангом в руках пробирался в охваченные огнем каюты. На нем горела одежда, пламя обжигало лицо и руки, но он не ушел до тех пор, пока не потушили пламень.

Вместе с Васильевым мотористом служит краснофлотец Куевда. Как-то он нес вахту у машин. Вахта была тяжелая — дым затруднял дыхание.

— Товарищ Куевда! Выходи наверх! — крикнул ему кто-то из товарищей.

— Я стою на боевом посту и с вахты не уйду,—ответил Куевда.

Потом его вынесли на палубу в бессознательном состоянии.

Корабль пришел в базу. Краснофлотцы Васильев и Куевда энергично взялись за его ремонт.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Редактор *А. Вельковская*

ГМ 201314. Подписано к печати 25/VIII 1945 г. Зак. 1706. Уч. изд. № 720.

1-я типо-литография УВМИ НКВМФ